

INSPIRIA

Ф
Е
Й
Р
И
Д
Е
Й
Л

18+

INSPIRIA

Inspira Romãntezi. Проклятые сердца

Вероника Ланцет

Фейридейл

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ланцет В.

Фейридейл / В. Ланцет — «Эксмо», 2023 — (Inspiria Ромэнтези.
Проклятые сердца)

ISBN 978-5-04-245829-3

Хит Буктока. Мрачная готическая сага о любви сквозь столетия. Веронике Ланцет удалось создать ни с чем не сравнимый мир темного фэнтези, сплетающий в себе готическую эстетику, детективную тайну и роковую страсть. Сквозь века тянется история любви – одновременно трагическая и прекрасная. Август 1955 год. Дарси О'Салливан получает письмо, в котором говорится, что она богатая наследница. Девушка никогда не знала своего отца, но теперь вынуждена познакомиться с его семьей и отправиться в маленький прибрежный Фейридейл на похороны. С первого взгляда Фейридейл напоминает настоящую сказку: город расположен среди живописных лесов, у самого океана, а на вершине уединенного холма возвышается величественное поместье Хейлов, окутанное тайнами и легендами. Однако вскоре в городе начинают происходить убийства, в которых обвиняют Дарси, а в загадочном доме ее мучают галлюцинации... или призраки. Но как только наступает ночь, в мире сновидений Дарси становится леди Элизабет из XVIII века – возлюбленной прекрасного демона Амона. Его прикосновения обжигают сильнее пламени, а каждое слово звучит как клятва, которую невозможно нарушить. Со временем граница между мирами стирается, и притяжение к Амону становится непреодолимым. Дарси предстоит снять древнее проклятие, связывающие ее с прошлым, понять, кто она на самом деле, и раскрыть личность убийцы. Но главное – сделать выбор между жизнью и любовью. Амон готов отдать за нее душу... но что, если их любовь и есть то самое проклятие?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-245829-3

© Ланцет В., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Примечание автора	8
Пролог	9
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	21
Глава третья	31
Глава четвертая	43
Глава пятая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вероника Ланцет

Фейридейл

Серия «*Inspiria Ромэнтези. Проклятые сердца*»

История, в которой грань между реальностью и наваждением стирается, а каждое прикосновение оставляет след.

«Фейридейл» – это долгое и завораживающее путешествие сквозь века, где любовь сильнее проклятий, а истинное лицо зла оказывается совсем не тем, что мы привыкли видеть. История любви Дарси и Амона – путь, полный потерь, предательства и надежды, которая не угасает даже спустя тысячелетия.

Эта книга очаровывает своей готической атмосферой и сюжетом, лишенным случайностей. Невероятная связь между героями, которую можно разорвать, только пожертвовав собственной душой. Уверены, роман увлечет вас с первой страницы и не отпустит до самого финала.

С любовью к читателям и книгам, команда

Veronica Lancet

FAIRYDALE

Copyright © 2023 by Veronica Lancet

Originally published by Atria Books, an Imprint of Simon & Schuster, LLC

Художественное оформление *Екатерины Белобородовой*

© Минченкова В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Примечание автора

Дорогой читатель,

«Фейридейл» сочетает в себе готику, ужасы, фэнтези и паранормальную фантастику с примесью исторических фактов, но по сути своей это просто история любви. Наверное, моя самая любимая история, и я надеюсь, вы насладитесь ею так же, как и я, когда писала ее.

Прежде чем продолжить, хочу предупредить.

Если вы ищете типичный роман, то вам не сюда.

Это долгий путь (и под этим я подразумеваю почти девятьсот страниц), так что если вы не поклонник сложных сюжетных линий, длинных книг и слоуберна, то эта история не для вас.

Эту книгу я также *не* рекомендую пролистывать, иначе вы рискуете потеряться в море информации, которая порой намеренно вводит в заблуждение. Сюжет сложный, с большим количеством персонажей и тремя разными временными периодами.

Хотя здесь и упоминаются реальные события прошлого, книга не претендует на роль подлинного исторического романа. Я постаралась описать все как можно проще, сохранив при этом некоторую долю исторического реализма.

Временами сюжет становится довольно мрачным и напряженным, поэтому настоятельно рекомендую внимательно ознакомиться с предупреждениями, прежде чем продолжить чтение.

Надеюсь, книга вам понравится, и, *пожалуйста*, не раскрывайте сюжет будущим читателям!

Пролог

Солнце уже садилось, а Лизетт все еще не могла заставить себя вернуться домой. Ведь родные, только взглянув на нее, сразу обо всем догадаются.

В случившемся не было ее вины – это она прекрасно понимала. Но сомневалась, что семья согласится с этим. Уж точно не мать, которая едва терпела ее присутствие. И если она все узнает, у нее появится еще одна причина ненавидеть дочь – возможно, даже отослать ее прочь.

Лизетт стояла посреди ночи в лесу, в довольно опасном месте для женщины, но она уже пережила самое худшее, что только отводится на долю ее пола. Даже сейчас между ног не переставало кровоточить, как бы старательно она ни вытиралась изодраным свитером.

Пока она пробиралась к водопаду в глубине леса, ее единственным желанием было смыть со своего тела все следы его прикосновений.

Шум воды медленно нарастал. Ее щеки покраснели, слезы уже высохли. И все же когда она подошла к воде, то невольно расплакалась.

Лизетт осторожно сняла одежду, стараясь не тревожить раны, которые все еще ужасно болели. Аккуратно сложив платье на земле, она приблизилась к берегу реки и погрузила пальцы ног в воду. Холод на мгновение застал ее врасплох, но чего еще она ожидала, купаясь в реке в начале декабря?

Но у нее в арсенале оставалось одно скрытое оружие.

Потерев ладони друг о друга, она пожелала, чтобы тепло ее тела передалось и воде, придав ей желаемую температуру.

Лизетт, может, и не обладала небывалым могуществом матери, но одной-единственной способностью она по-настоящему гордилась – способностью нагревать и раскалять. К сожалению, даже это не уберегло от его нападения.

Когда вода достаточно нагрелась, Лизетт погрузилась в нее всем телом и начала растирать кожу, жалея, что не может избавиться от воспоминаний так же легко, как от его запаха.

Она немного постояла в реке, страхась реальности, с которой ей неизбежно придется столкнуться.

Лизетт медленно выбралась из воды и какое-то время просто стояла на берегу рядом с платьем, не в силах заставить себя вновь надеть его. Благо она могла поддерживать нужную температуру тела и без одежды.

И пока стояла там, размышляя о своей жизни, Лизетт заметила разноцветную бабочку, пролетающую над поверхностью воды.

Она не думала, откуда бабочка взялась зимой, – была слишком очарована прекрасным видением, чтобы подвергнуть его сомнению.

Казалось, это прекрасное создание преследовало четкую цель, поскольку направилось прямо к ней, взмахивая своими ярко-синими крыльями. И не успела Лизетт понять, что происходит, как бабочка опустилась и замерла у ее живота.

– Что ты делаешь?

Она нашла в себе силы вновь улыбнуться, считая великой удачей то, что к ней подлетела такая красивая бабочка.

– Конечно же, ты не ответишь, – упрекнула она себя и устало вздохнула.

Пока Лизетт смотрела на бабочку, та внезапно повернула к ней головку, словно все поняла. Но это было еще не самое странное.

Тут бабочка медленно растворилась на ее коже, пока от прекрасного создания ничего не осталось.

Лизетт пораженно отпрянула, испугавшись, что как-то навредила ей своими способностями.

Но однажды она поймет, что вовсе не убивала бабочку.
Она дала ей жизнь.

Часть первая

Глава первая

Август 1955 г., Бостон, Массачусетс

– Мисс О'Салливан, мисс О'Салливан!

Я поворачиваюсь на голос, зовущий меня по имени, и широко улыбаюсь, увидев, что ко мне спешит Стиви, один из моих учеников.

– Это вам, мисс О'Салливан! – Он останавливается рядом, тяжело дыша, и протягивает толстый коричневый конверт. – Миссис Дженнингс попросила вам передать.

Я в замешательстве хмурю брови. Но, забрав конверт, замечаю, что на нем и правда безукоризненным почерком выведено мое имя.

Мисс Дарси О'Салливан.

Но более странным является тот факт, что на нем не указано ни отправителя, ни обратного адреса.

– Спасибо, Стиви. Почему бы тебе не вернуться к остальным? Обед скоро подадут. – Я улыбаюсь и взъерошиваю его густые локоны.

Его губы расплываются в широкой улыбке, и он крепко обнимает меня за талию, приглушенно шепча: «Я люблю вас, мисс О'Салливан», а потом бросается прочь, явно желая скрыть выступивший на щеках румянец.

Качая головой в ответ на его маленькую шалость, зажимаю конверт под мышкой и возвращаюсь в свою комнату, расположенную в крыле для персонала.

Школа-интернат Сент-Рассел – одна из лучших в стране, и хотя моя должность требовала проживания на территории, я с радостью выполнила условие – мне все равно больше некуда было идти.

Добравшись до коридора, подхожу к третьей двери и трижды осторожно стучу.

Я делю комнату с Эллисон, еще одной учительницей, которая начала работать одновременно со мной. Жить всего с одним человеком – невероятное везение.

В детстве я всегда спала в одной спальне с мамой, а после ее смерти, когда мне было десять лет, попала в приют. Там в комнатах одновременно проживали по восемь или десять человек. И по сравнению с этим апартаменты в Сент-Расселе великолепны.

– Входи, – доносится дрожащий голос Эллисон.

Я открываю дверь, и Эллисон ворочается на кровати, пытаюсь встать.

– Нет! – тут же выкрикиваю я. – Не вставай из-за меня.

– Такое чувство, что ты видишь меня только в постели, – сухо говорит Эллисон, и ее губы изгибаются в улыбке.

– Ты же не виновата, что подхватила грипп. – Я бросаю конверт на свою кровать и приближаюсь к ней. Прикладываю руку к ее лбу, проверяя температуру. – Жар спал, – сообщаю я, но замечаю, что у нее потрескались губы. Поворачиваюсь к прикроватному столику, наливаю ей воды и протягиваю стакан. – Теперь нужно больше пить, и будешь как новенькая.

– Что бы я без тебя делала? – Эллисон улыбается, качая головой. – Тебе следовало устроиться медсестрой, а не учительницей английского. Всем уже известно о твоём даре целителя.

– Ты же знаешь, это невозможно. – Я слегка краснею от ее похвалы. – У меня нет нужной квалификации.

Мне очень повезло, что сестры из сиротского приюта, в котором я выросла, оплатили мое обучение, а по окончании курса успешно определили в Сент-Рассел.

Без них я бы никогда не стала той, кем являюсь сейчас, и я бесконечно благодарна им за все, что они для меня сделали, особенно сестрам Мэри и Анне. С самого начала они были моими главными помощниками, помогая мне добиться успеха, даже когда обстоятельства были против меня.

– Не представляю никого лучше тебя. Даже после всех лекарств доктора температура продолжала держаться, но после твоего чая тут же спала.

– Наверное, просто повезло. – Я улыбаюсь, разглаживая ее одеяло по краям кровати.

Меня всегда привлекали медицина и искусство врачевания, и я даже подумывала о карьере в этой области. Но не смогла отказаться от предложения сестер, зная, сколько средств и усилий они потратили на меня за все эти годы. Поэтому продолжила преподавать. Насколько мне нравится готовить чай и настойки, настолько же сильно я люблю проводить время с детьми и рассказывать им о чудесных книгах.

Как ни посмотри, не могу отделаться от мысли, что мне постоянно сопутствует удача.

– Что это? – Эллисон указывает на конверт.

– О, совсем забыла. Я получила письмо, – с энтузиазмом отвечаю я. Мне некому слать письма, кроме сестер, так что оно, вероятно, от них.

– Завидую. Эти твои монахини относятся к тебе лучше, чем моя собственная мать ко мне, – ворчит Эллисон, но не со злым умыслом.

Сестра Мэри всегда отправляет мне ткани, чтобы я могла сшить себе какую-нибудь одежду, в то время как сестра Анна каждый месяц присылает новую книгу. Это их способ дать понять, что они всегда думают обо мне. В ответ я обязательно отсылаю им настойки, которые готовлю из местных растений.

– Они милые, правда? – Я рассеянно вздыхаю. Несмотря на то что я осиротела в столь юном возрасте, считаю, мне невероятно повезло. У меня есть работа и люди, которые обо мне заботятся. Есть крыша над головой, постель и теплая еда. Как ни посмотри, я живу лучше многих, а это определенно больше, чем могут похвастаться некоторые люди.

Возможно, именно поэтому неохотно признаю, что мне чего-то не хватает.

Я люблю и любима, но в моем сердце словно зияет невидимая дыра, из которой постоянно сочится кровь.

И с этим чувством я прожила всю свою жизнь – будто мне не хватает части моего существа. Но в этом я никому никогда не признавалась, боясь показаться неблагодарной, а это мне совершенно чуждо.

Мне просто... беспокойно.

Натянуто улыбаясь, сажусь на кровать, выдвигаю ящик и роюсь в нем в поисках ножа для писем. Осторожно надрезаю верхнюю часть конверта, просовываю руку внутрь и достаю содержимое.

Мои глаза расширяются, когда я обнаруживаю три разных конверта поменьше – один очень толстый и два тонких, а также футляр для драгоценностей.

– Это от монахинь? – спрашивает Эллисон.

Я медленно качаю головой, моргая, и снова переворачиваю конверт, чтобы найти имя и адрес отправителя, но ничего нет.

– Тогда от кого?

– Не знаю, – тихо отвечаю я.

Любопытство берет надо мной верх. Сперва я открываю самый толстый конверт, и при виде зеленых банкнот у меня перехватывает дыхание. Вытащив их, я потрясенно смотрю на пачку наличных. Никогда в жизни не видела столько денег.

– Дарси, это...

– Кто мог столько прислать? – шепчу я, не в силах отвести взгляд от денег.

Эллисон приходит в себя быстрее. Она приближается ко мне, садится на кровать и пересчитывает банкноты.

– Здесь тысяча, – шепчет она, и благоговение в ее голосе отражает мое собственное. – Одна тысяча долларов, Дарси. Четверть того, что мы зарабатываем за год.

– Но как...

– Проверь остальные, – указывает Эллисон на два оставшихся письма.

Я открываю второй конверт, используя нож, и достаю аккуратно сложенное письмо и что-то похожее на билет на поезд.

– Ну? Что там написано? – нетерпеливо спрашивает Эллисон, пока я просматриваю содержимое письма.

– Оно от некоего мистера Воана. Юриста, – бормочу я, не веря своим глазам. – Он утверждает, что пишет от имени моего биологического отца, Лео Пирса, который... – неловко сглаживаю, – недавно скончался.

– Твой биологический отец? – Она хмурится.

Я уже рассказала ей, что никогда не знала отца. Мать о нем даже не упоминала, а на все мои вопросы отвечала, что он был плохим человеком.

– Это еще не все, – шепчу я, облизывая губы. – Он требует моего присутствия на похоронах, которые состоятся через три дня, и на оглашении завещания, поскольку я в него вписана. Но для этого нужно приехать в родной город отца – Фейридейл.

– Фейридейл, – хмуро повторяет Эллисон. – Никогда о таком не слышала.

– По-видимому, это где-то в Массачусетсе, – говорю я, рассматривая билет на поезд.

На нем указано «Бостон – Фейридейл» и открытые даты с двадцать восьмого по тридцать первое августа.

– И за что он дал тебе тысячу долларов? Это бессмысленно, – замечает Эллисон.

– Он пишет, чтобы у меня было все необходимое, пока я не доберусь до Фейридейла.

И это еще не все.

Мистер Воан также сообщает, что родственники – сводные брат и сестра. Но, судя по их возрасту...

С трудом сдерживаю вздох, осознав, что я не только незаконнорожденная, но и, скорее всего, плод измены. И там будет его жена.

Нет, я не могла поехать, зная, что буду нежеланной гостьей.

Но мистер Воан уверяет меня в обратном.

– «Семья желает познакомиться с вами как можно скорее», – вслух читаю я.

– Так ты поедешь? – спрашивает Эллисон, вырывая меня из оцепенения. – Ты обязана! Если он дал тебе тысячу долларов на мелкие расходы, кто знает, что еще кроется в завещании?

– Даже не знаю... – бормочу я, неуверенность терзает меня.

Добравшись до конца письма, перечитываю его еще раз, и меня охватывает неприятное чувство, но я не могу понять, какое именно.

Тысячи вопросов одновременно пронесаются в голове.

Почему сейчас?

При жизни отец никогда не стремился связаться со мной, так зачем ему утруждать и включать меня в завещание?

Но самое главное, как мистер Воан выследил меня в Сент-Расселе? Как узнал, где я живу, если только...

– Должно быть, он следил за мной, – шепчу я, быстро моргая, чтобы прогнать внезапные слезы.

Мой отец, этот Лео Пирс, знал, где я находилась все это время. Но все равно оставил меня на воспитание незнакомым людям, бросил совершенно одну в огромном мире.

Эта мысль приводит меня в замешательство.

Вместо радости от того, что у меня появилась еще одна семья, что я, возможно, унаследую неплохие деньги, я чувствую только беспокойство.

Но воображение уже не остановить.

Деньги на обучение. Зачисление в Сент-Рассел. Неужели все это тоже было фарсом? А сестры в курсе?

Я всегда задавалась вопросом, почему именно я. Почему только мне все оплачивали, в то время как другие могли только мечтать хотя бы о половине?

Но тогда я решила, что подаю большие надежды и заслужила все сама. Теперь... меня одолевают сомнения.

Эллисон забирает письмо у меня из рук и быстро читает его от начала до конца.

– Он говорит, что присутствовать на оглашении завещания обязательно. – Она делает акцент на последнем слове – слове, которое я пропустила, витая в собственных мыслях.

– А если я не приеду?

– Может быть, они не смогут его зачитать? Что, если таково условие оглашения?

– Ты права, – вздыхаю я.

Но прежде чем принять какое-то решение, я обращаю внимание на другой конверт и футляр для драгоценностей.

– Только не говори, что они прислали еще и дорожущее украшение, – стонет Эллисон. – Твой отец, видимо, был чертовски богат.

Я ничего не отвечаю и осторожно открываю коробочку, почти опасаясь увидеть ее содержимое.

И, как и подозревала, украшение стоит целое состояние.

Это брошь в виде лебедя, инкрустированная бриллиантами, – по крайней мере, я думаю, что это бриллианты. Задняя часть полностью выполнена из золота, а передняя часть – из чего-то похожего на белый фарфор.

Когда мои пальцы касаются гладкой, роскошной поверхности, по спине пробегает дрожь узнавания – словно я проделывала то же самое бесчисленное количество раз.

Мы с Эллисон с благоговением смотрим на маленькое украшение, прекрасно понимая, что, вероятно, никогда в жизни не видели ничего более прекрасного.

Но по мере того, как шок проходит, меня охватывает небывалое разочарование.

Пускай передо мной и открывались замечательные возможности, я всегда считала, что заслужила все сама. Да, удача сыграла не последнюю роль в этом уравнении, но я тоже делала все возможное ради своего будущего.

Письмо от мистера Воана, деньги, а теперь и бесценная брошь, на которую я смотрю, говорят мне о том, что все мои достижения были не более чем продуманным вмешательством.

– Открой письмо. – Эллисон передает мне последний конверт.

Трясущимися руками я разрезаю бумагу и случайно задеваю ножом палец.

– Ай. – Я вздрагиваю, когда алая капля крови падает на белую бумагу. Подношу палец ко рту и посасываю небольшой порез.

– Ты нервничаешь. Это нормально, – уверяет меня Эллисон. – Давай помогу, – говорит она, доставая квадратную черную карточку и ключ. На одной стороне карточки золотыми буквами написано мое имя, а на другой – адрес: Астор-Плейс, 12.

– Что это? – Моя подруга хмурится. – Ключ к чему? – спрашивает она и моргает.

– Честно, не знаю, Эллисон. Я вообще не понимаю, что происходит, – признаюсь я.

Сердце громко бьется в груди, а мысли в голове путаются, чем больше думаю о последствиях.

Сегодня я узнала, что у меня есть отец. И сегодня же поняла, что уже его потеряла.

И хотя ни то ни другое, похоже, не оказывает на меня особого впечатления, сама мысль о том, что Лео Пирс знал обо мне – очевидно, следил за моей жизнью, – неприятно нервирует.

– Почему он не забрал меня к себе? – обеспокоенно спрашиваю я. – Если он знал, где я и чем занимаюсь, почему не связался мной? Почему я узнаю о нем только сейчас, сразу после его смерти?

Эллисон мгновение молчит, пристально глядя на меня.

Я не плачу, но разочарование, тоска и боль, вероятно, отражаются у меня на лице.

– Ты сможешь выяснить это, только если отправишься туда.

Прикусываю нижнюю губу и перевожу взгляд на все, что только что получила, – на письма, которые перевернули мою жизнь с ног на голову. Но на данный момент деньги волнуют меня меньше всего, хоть мне и подарили тысячу долларов, словно мелочь на карманные расходы. Я просто в ужасе от правды и от того, как она изменит мое представление о прежней жизни.

– Я не уверена, – качаю головой.

Правда в том, что я боюсь того, что могу узнать. И все же, если не поеду... сомнения продолжают терзать меня.

Сделав глубокий вдох, складываю все обратно в конверты, невольно размазывая кровь с пальца по черной карточке. Вытираю ее как можно тщательнее и убираю в тумбочку.

– Не могу вот так сразу принять такое решение, – говорю я Эллисон. – Нужно немного успокоиться и все обдумать. – Я поджимаю губы.

– Не торопись, хотя едва ли у тебя много времени, – осторожно замечает она, и я понимаю, что подруга права.

Потому что, если я в самом деле обязана присутствовать, мое чувство ответственности просто не позволит мне не поехать.

Я готовлю Эллисон еще одну чашку моего фирменного напитка, а потом ухожу из комнаты, сказав, что мне нужно время все обдумать.

На сегодня занятия окончены, так что я могу отправиться в свое любимое место на крыше Альберт-холла. Ключи от крыши есть только у преподавателей, но туда никто никогда не ходит.

Сначала заскакиваю в столовую и беру немного еды, а затем пробираюсь к задней лестнице, ведущей на крышу. Душистый, теплый летний ветерок тут же овеивает мое лицо, создавая обманчивое ощущение спокойствия.

Сев прямо на крышу, я прислоняюсь спиной к стене и устало выдыхаю.

В знакомой обстановке мое тело расслабляется, но разум продолжает изводить сам себя.

Почему только сейчас?

Почему Лео Пирс никогда раньше не связывался со мной? Конечно, раз он указал меня в своем завещании, значит, должен был испытывать ко мне какую-то привязанность.

Однако ответ лежит прямо на поверхности. Или, по крайней мере, я вижу лишь одно разумное объяснение.

Отец был женатым человеком, когда познакомился с моей матерью и та забеременела. Очевидно, он чувствовал себя неловко, поэтому скрывал измену. И только после смерти у него хватило смелости открыть миру еще одного своего ребенка, которому он никогда не смотрел в глаза. Что-то вроде сожаления умирающего человека.

Что бы я ни чувствовала по этому поводу, видимо, мне придется поехать – ради других членов семьи, которые наверняка ждут меня, чтобы огласить завещание, а также ради собственного душевного спокойствия.

Я знаю себя.

В конце концов вопрос «что, если?» разьет мое подсознание, а потом просочится в сознание и будет подтачивать его всю жизнь. Чем сильнее буду стараться не думать об этом, тем яростнее оно попытается всплыть на поверхность.

А еще мне очень любопытно.

У меня есть... брат и сестра.

Поднеся палец к губам, рассеянно провожу языком по порезу, пытаюсь унять легкое покалывание.

Мистер Воан упоминал о сводных брате Августе и сестре Грейс.

Трудно поверить, что на свете живут люди, в жилах которых течет та же кровь, что и у меня, – мысль кажется почти нереальной.

Конечно, в приюте у меня были друзья, но ревность и отчужденность в конечном итоге разорвали все отношения. Я ни с кем не поддерживала связи и едва ли переживала из-за этого.

Эллисон оказалась просто находкой, и в ее лице я обрела хорошего друга.

И все же Август и Грейс – мои брат и сестра. Единственные живые родственники.

Смогла бы я жить, так и не познакомившись с ними? Может, и да, но не теперь, когда узнала об их существовании. Теперь я не могу оставаться в стороне.

И чем больше думаю об этом, тем тверже укрепляюсь в своем решении.

Нужно поехать в Фейридейл. Но сначала я должна убедиться в правдивости писем, а для этого придется обсудить их с сестрой Мэри и сестрой Анной.

На следующий день начинаю приводить в порядок свои дела, чтобы вскоре уехать.

Я поговорила с директором, и она предоставила мне месячный отпуск – разумеется, за вычетом заработной платы. Затем собрала в небольшой чемодан кое-что из одежды и предметов первой необходимости.

Хотя полученный билет на поезд позволяет добраться напрямик из Бостона в Фейридейл, я собираюсь сделать небольшой крюк и заехать в сиротский приют в Вустере, чтобы поговорить с сестрами. И если они подтвердят информацию из писем, сразу отправлюсь в Фейридейл через Бостон. Конечно, так путешествие затянется, но я предпочитаю перестраховаться. Я читала в газетах о нескольких махинациях с наследством, и хотя мошенники вряд ли бы дали мне тысячу долларов наперед, реальность такова, что я незамужняя женщина, у меня нет ближайших родственников, а это делает меня идеальной мишенью.

– Ты ужасно смелая, раз решилась на это, – говорит Эллисон, наблюдая, как я укладываю одежду в чемодан. – Но действуй разумно, решив посоветоваться с монахинями. Я бы ухватилась за первую же возможность разбогатеть, – признается она.

– Это большие деньги. – Я киваю, думая о том, что наследство может оказаться гораздо больше того, что я уже получила. – Но я никогда не стремилась к подобному. Меня и так все устраивает. – Слегка пожимаю плечами. – Мне нравится моя работа, и у меня нет никаких больших трат.

– Может, это потому, что ты не знала ничего другого, – замечает Эллисон. – Подумай обо всем, что ты сможешь купить: платья, сумочки, *туфли!* – мечтательно восклицает она. – Или поездки. Ты ведь говорила, что хочешь побывать в Европе?

Я киваю.

Я умираю от желания побывать в Англии с тех пор, как впервые прочитала «Джейн Эйр». Но также всегда осознавала, что это глупая мечта.

Я простая учительница. И хотя получаю приличную годовую зарплату, но это далеко не те деньги, которые позволили бы мне поехать за границу.

– Возможно, у тебя получится, если получишь много денег, – хихикает Эллисон. – Ты смогла бы поехать в Лондон. Посмотреть на роскошные дворцы. Может быть, даже влюбиться в англичанина.

Она подмигивает мне, но я отвожу взгляд, чувствуя, как заливаюсь краской с головы до ног.

Эллисон встречается с одним кавалером по выходным. Ему под тридцать, он работает в банке Бостона и явно настроен на успех. Они уже некоторое время говорят о браке, и Эллисон уверена, что он скоро сделает предложение.

Именно благодаря ее рассказам я узнала, каково быть влюбленной и состоять в отношениях. Несмотря на мои протесты, она даже поделилась подробностями их интимной жизни.

Для моих девственных ушей все это звучало очень скандально, но сама мысль найти того единственного, которому можно отдать всю себя, оказалась заманчивой.

Я вполне довольна нынешней жизнью, но, признаться честно, всегда мечтала встретить своего прекрасного принца. Какого-нибудь очаровательного мистера Рочестера¹ или задумчивого Хитклиффа². Но несмотря на это, я никогда не стремилась ни с кем встречаться.

Я посещала пару светских мероприятий, и меня даже приглашали на свидание красивые джентльмены. Но каждый раз, по какой-то неизвестной причине, я им отказывала.

И вот мне двадцать четыре, а я ни разу не была на свидании.

Но даже появившись у меня деньги, изменилась бы моя жизнь так кардинально?

Наберусь ли я, наконец, смелости выйти в мир и делать то, что пожелаю? Сомневаюсь.

Но по крайней мере у меня будет выбор.

– Возможно, – бормочу я. – За деньги, безусловно, можно многое купить.

Но главная мысль остается невысказанной. Действительно ли на них можно купить счастье?

Я знаю, что Эллисон ответила бы положительно, и, объективно говоря, должна с ней согласиться. Но что-то не дает мне покоя. То вечное беспокойство, которое заставляет меня думать, что есть нечто большее. Свобода, не похожая ни на что другое, не имеющая ничего общего с материальными ценностями, даже с земными удовольствиями.

Где-то в мире есть некое счастье, которое вызывает ко мне, – нечто невыразимое, что обращается скорее к моей душе, чем к разуму. И пусть пока я не знаю, что это такое, что-то внутри подсказывает: скоро узнаю. Когда буду готова.

– Надеюсь, ты обо мне не забудешь, если вдруг станешь миллионершей, – шутит Эллисон, и я весело качаю головой.

– Его семья живет в городке под названием Фейридейл. Сомневаюсь, что это популярное место среди миллионеров, – говорю я, складывая пару чистых блузок.

Повинуясь внезапному порыву, мы разворачиваем карту и пытаемся найти на ней Фейридейл. Это старый городок на северо-востоке Массачусетса, примерно в часе езды к востоку от Ипсуича, но информации о нем почти никакой нет.

– Кроме того, мне придется разделить деньги с другими его детьми, которые, вероятно, заслуживают большего, чем я, ведь они законнорожденные и...

– Хватит. – Эллисон резко встает, но потом снова садится, потому что на нее накатывает волна головокружения.

Я уже собираюсь подойти к ней, но она поднимает руку, останавливая меня.

– Чем ты хуже их? Если уж на то пошло, он должен дать тебе больше, ведь его никогда не было рядом. По крайней мере, другие его дети проводили с ним время. А что получила ты?

Я поджимаю губы.

В ее словах есть смысл. И все же мне не по себе при мысли о деньгах. Словно они не мои, словно я не имею права принять их, неважно, завещаны они мне или нет. Я чувствую себя неловко всякий раз, когда думаю о тысяче долларов, лежащих сейчас на дне чемодана.

– Как думаешь, они возненавидят меня? – шепотом спрашиваю я.

А разве может быть иначе? Я – плод случайного романа, явившийся за их деньгами. И хотя мистер Воан заверил, что семья знает о моем существовании и желает познакомиться поближе, я все равно настороженно отношусь к его словам.

---

¹ Один из главных персонажей романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». – *Здесь и далее прим. ред.*

² Один из главных персонажей романа Эмили Бронте «Грозовой перевал».

– Кто знает, – пожимает плечами Эллисон. – Может, возненавидят, а может, и нет. Ты едешь это выяснить.

Я нервно хихикаю. Иногда ее честность ранит. Я и так рискую жизнью, отправляясь в незнакомое место. И не хочу даже думать о том, что в итоге стану самым ненавистным человеком в городе.

– Готово. – Я делаю глубокий вдох, когда закрываю чемодан.

У меня не так много вещей, но поскольку я встречаюсь с этими людьми впервые, то хочу произвести хорошее впечатление. Поэтому беру только самую качественную одежду: пару блузок и брюк, юбку, два платья, ночную сорочку и кое-что из нижнего белья.

Следующим утром я завтракаю с Эллисон, прежде чем отправиться на вокзал.

– Будь осторожна. Позвони, если сможешь, – говорит она, заключая меня в теплые объятия.

– Конечно. Кому еще я могу все рассказать, если не тебе? – Я улыбаюсь и целую ее в щеку.

– Счастливого пути, Дарси. Уверена, ты найдешь то, что ищешь.

Помахав подруге на прощание, сажусь в поезд. Поездка до Вустера занимает около двух часов. Я уже позвонила сестрам Мэри и Анне, чтобы сообщить о своем приезде, и они пообещали встретить меня на вокзале.

И точно, стоит мне сойти с поезда, как я замечаю их, таких же веселых и красивых, как всегда.

– Моя дорогая Дарси! – восклицает сестра Анна, заключая меня в крепкие объятия. – Не думала увидеть тебя так скоро.

– Большое спасибо, что встретили.

– Ерунда. Мы теперь так редко видимся, что, конечно же, пришли за нашей любимой девочкой, – отвечает сестра Мэри.

Я мило улыбаюсь им, и мы начинаем болтать, направляясь на главную улицу, чтобы поймать такси, за которое я настаиваю заплатить. Они немного обижаются на меня, но вскоре общение налаживается, и они рассказывают о новеньких и о новом крыле, построенном на пожертвования, – и показывают его мне сразу по приезде в приют.

Только спустя несколько часов мы закрываемся в их кабинете для серьезного разговора, о котором я просила. Когда рассаживаемся за маленьким столиком, я запоздало замечаю беспокойство, отразившееся на их лицах. И понимаю, что вся эта пустая болтовня была не чем иным, как оттягиванием неизбежного момента.

– Мы знаем, зачем ты здесь, – без предисловий говорит сестра Анна.

Мои глаза расширяются, и я перевожу взгляд с одной женщины на другую.

С поджатыми губами и суровыми чертами лица они выглядят виноватыми.

– Откуда... – шепчу я.

Сестра Мэри встает со стула, подходит к одному из шкафчиков в кабинете и достает из потайного отделения маленькую коробочку. Поставив ее передо мной, она открывает крышку и показывает мне содержимое.

Я замираю, увидев точную копию броши с лебедем, которую получила по почте от мистера Воана.

Но потом холодею, когда все детали встают на места. Украшение и есть то подтверждение, в котором я нуждалась.

– Вы знали, кем был мой отец, – шепчу я и медленно поднимаю на них глаза.

Сестра Мэри поджимает губы, но в конце концов слегка кивает.

– Твоя мать знала, что умирает, когда попросила нас позаботиться о тебе, – начинает она, снова устраиваясь напротив меня. – Она была больна, без гроша за душой и не знала, что еще делать. У нее осталась лишь эта брошь – часть идентичного набора, как я узнала позже. В то

время она почти ничего не рассказывала о твоём отце. Даже не упомянула, что он может взять тебя под опеку, поэтому мы не стали вмешиваться.

– После её смерти мы должны были продать брошь и использовать вырученные средства на твоё содержание и образование, – продолжает сестра Анна. – Зная, что за неё можно выручить приличные деньги, я отправилась к ювелиру, и пока мы ждали от него ответ, пришло анонимное письмо, в котором спрашивалось, откуда у нас эта брошь. Некоторое время мы переписывались, а потом появился поверенный, мистер Воан, чтобы лично взглянуть на брошь. Именно тогда он показал нам её близнеца и рассказал, что они были изготовлены на заказ и вторая такая же могла быть только у твоей мамы. Когда мы рассказали ему о тебе с Лизетт, он был потрясен.

– Насколько мы поняли, она ушла от твоего отца, ещё когда была беременна, и он не смог её найти, – добавляет сестра Мэри.

Я моргаю, медленно переваривая услышанное. Мама сбежала от моего отца?

В смутных воспоминаниях она неустанно напоминала мне, что отец был плохим человеком, но никогда не объясняла почему. А я никогда и не спрашивала. Чувствуя, что тема ей неприятна, просто вела себя так, словно у меня вообще нет отца – словно никогда не хотела его иметь.

Возможно ли, что она просто не знала, что он был женат? Может, узнала лишь после того, как их роман закончился? Это бы объяснило, почему она называла его плохим человеком, – ведь он нарушил свои клятвы и обманул её.

Подобные мысли приносят спокойствие. Пусть у меня не слишком много воспоминаний о матери, она была прекрасной женщиной и делала все возможное, чтобы вырастить меня, несмотря на обстоятельства. Она так и не вышла замуж, жила на грани бедности, но всем сердцем любила меня и воспитывала в безопасной обстановке. Я рада, что она, вероятнее всего, даже не подозревала, в какие отношения была втянута.

– Это не объясняет, почему он так и не пришел за мной, – медленно произношу я, изо всех сил стараясь сохранять рассудительность, хотя эмоции переполняют меня. Последние несколько дней выдались напряженными.

Сестры понимающе переглядываются, и сестра Анна подает голос:

– У него были жена и дети. Он подумал, что тебе будет лучше с нами, – сообщает она, хотя я не вижу в этом логики.

Кому в детском доме будет лучше, чем с родной семьей? Конечно, мне повезло встретить двух сестер, но я знаю, что мой случай скорее исключение. Большинство детских домов лишены любви и тепла и совсем не похожи на семью.

– Он обещал позаботиться о тебе и сделал несколько пожертвований в пользу приюта, а также постоянно оплачивал твои личные нужды и образование. – И вот так сестра Мэри подтверждает мои подозрения: я ничего не добилась сама.

– Все? – спрашиваю тихим голосом.

Они кивают.

– Он не мог быть рядом, но хотел, чтобы у тебя было все самое лучшее. – Она грустно улыбается. – И надеялся, что когда ты вырастешь, то вы сможете встретиться.

– Уже нет, – говорю я, но выражения лиц сестер не меняются.

Они знают.

– Мы получили письмо от его поверенного, в котором говорилось о его кончине и завещании. Мистер Воан знал, что это может тебя шокировать, поэтому отправил брошь в качестве доказательства.

Я медленно киваю.

Кажется, все становится на свои места – и детали головоломки подходят слишком уж идеально. В их рассказе нет пробелов, которые я сразу бы распознала, но в нем излишне много случайностей.

Сестры Мэри и Анна воспитывали меня рассудительной и учили все подвергать сомнению. Несмотря на это, сейчас они смотрят мне в глаза и ожидают, что я безоговорочно всему поверю.

Если отец надеялся встретиться со мной, когда я стану взрослой, то почему не объявился сразу после моего восемнадцатилетия? Или же после того, как я получила должность преподавателя? У него было много возможностей связаться со мной – я уже давно не маленькая девочка.

Почему-то я не могу найти этому объяснения.

Как только сомнения начинают захлестывать меня, я встряхиваюсь.

Это ведь мои наставницы, практически заменившие мне мать. Я не могу вот так сомневаться в них. Если они говорят, что все так и было, значит, это правда.

– Ты должна поехать, дорогая Дарси. – Сестра Мэри берет мои руки в свои. – Я ужасно сожалею, что тебе пришлось узнать обо всем вот таким образом и что ты не сможешь встретиться с отцом. Но зато сможешь познакомиться с другими членами семьи, верно? – добавляет она с надеждой в голосе.

– Вы когда-нибудь виделись с ним?

– Нет, – выдыхает она. – Мы виделись с мистером Воаном и переписывались с твоим отцом, но лично никогда не встречались.

– Понятно. – Я медленно киваю и заставляю себя улыбнуться. – Если вы говорите, что так правильно, то я поеду.

– Чудесно! – в унисон восклицают обе сестры.

– Еще кое-что, – вдруг вспоминаю я. – Вы знаете что-нибудь о Фейридейле, его родном городе? Я никогда не путешествовала так далеко и...

– Это просто город. Не беспокойся так сильно, – перебивает сестра Мэри, пренебрежительно махнув рукой. – Насколько я поняла, это рай для богатых людей, которые хотят побыть вдали от цивилизации. Ты ведь знаешь богачей. Они ценят свое уединение, – добавляет она почти шутя.

– Действительно, – сухо отвечаю я.

– Но если столкнешься с любыми трудностями, дорогая, знай: мы всегда рядом, – говорит сестра Анна, сурово глядя на другую монахиню.

Я натягиваю на лицо улыбку, решая не делиться своими опасениями, что в маленьком городке едва ли найдутся исправные телефоны.

Остаток дня мы просто болтаем, и они предлагают мне переночевать у них, а утром сесть на первый же поезд.

Похоже, я все-таки отправляюсь в Фейридейл.

На следующий день, устроившись в поезде, пытаюсь подбодрить себя перед новым приключением и отбросить сомнения.

Элисон права. Надо смотреть на все с позитивной стороны. Скорее всего, у меня появятся кое-какие – по словам монахинь, даже немалые – деньги и я познакомлюсь со своими братом и сестрой.

Что плохого может случиться в городе с таким волшебным названием?

Глава вторая

Спустя два часа после отъезда из приюта возвращаюсь в Бостон и жду пересадки на поезд, идущий в Фейридейл через Ипсуич. До отправления еще целый час, и я успеваю купить ланч и закуску, поскольку поездка займет около пяти часов.

Наконец, зайдя в поезд, занимаю свое место и достаю из сумочки книгу Джейн Остин «Нортенгерское аббатство». Я впервые отправляюсь в такое долгое путешествие, поэтому захватила с собой еду и развлечения, чтобы чем-то себя занять по пути.

Пару часов спустя, сколько бы ни уговаривала себя держаться, мочевой пузырь требует немедленно облегчиться. А пока наблюдаю, как стрелки наручных часов ползут со скоростью улитки, беспокойство возрастает до такой степени, что я слышу только звук текущей воды...

Вздыхнув, откладываю книгу и достаю из сумочки несколько салфеток, чтобы отправиться на поиски уборной.

Поезд не отличается чистотой, но я справляюсь. Пол дребезжит под ногами, шум оглушает и делает мое занятие не самым комфортным.

Смыв воду, подхожу к раковине и мою руки, наблюдая за своим отражением в зеркале. Бледная кожа под глазами приобрела синеватый оттенок, и можно сразу сказать, что последние пару дней я почти не спала.

Меня не только беспокоило путешествие в неизвестность, но и терзали мысли об отце. И о другой семье. Я хочу узнать их, но в то же время нервничаю перед встречей с ними и боюсь им не понравиться.

Намочив руки, я подношу их к лицу, чтобы освежиться.

Как раз в этот момент тесный туалет погружается во тьму, потому что поезд въезжает в туннель. Рельеф становится неровным, отчего пол трясется еще сильнее.

Хватаюсь за поручень на стене, пытаюсь удержаться на ногах, и жду, пока поезд выедет из туннеля, чтобы попытаться выйти из уборной. Я зажмуриваюсь, когда в воздухе раздается скрежет рельсов, такой же резкий, как скрип гвоздей по классной доске.

Несмотря на переполнявшие меня страх и волнение, отчетливо ощущаю прикосновение к шее, словно нежный, теплый воздух обдувает кожу. Мое дыхание учащается, тело напрягается, и я с трудом сглатываю.

Едва заметное касание становится все более смелым, пока я не чувствую легкое давление прямо под точкой пульса на шее.

Резко открываю глаза.

Сквозь крошечное окошко уборной проникают два луча света, но остальная часть по-прежнему погружена во тьму.

На секунду – одну короткую секунду – я готова поклясться, что различаю в зеркале чей-то силуэт. Но стоит мне моргнуть, как он исчезает.

Все исчезает, и крошечное помещение снова заливают свет – поезд наконец выезжает из туннеля.

Зеркало запотело от моего прерывистого дыхания, но когда я осматриваюсь, то обнаруживаю, что совершенно одна.

– Боже, – выдыхаю я, чувствуя себя глупо оттого, что испугалась обычной игры теней. У меня просто разыгралось воображение.

Приходя в себя, разглаживаю ладонями юбку, а потом открываю дверь и возвращаюсь на свое место.

Должно быть, это все нервы. Ведь я впервые в жизни совершаю такой смелый поступок.

Улыбаясь про себя, беру книгу и снова погружаюсь в историю. Увы, похоже, Кэтрин заразила меня своими глупыми идеями.

Я увлекаюсь чтением и даже не замечаю, как поезд останавливается, пока не объявляют станцию Ипсуич.

Закрыв книгу, оглядываюсь по сторонам и вижу, что все пассажиры встают, собираясь выходить. Я хмурюсь, но не нахожу это странным, поскольку Ипсуич – самый большой город в этом районе.

Сомневаюсь, что Фейридейл популярный пункт назначения.

Пожав плечами, возвращаюсь к истории.

– Мэм?

Не проходит и минуты, как я вздрагиваю от чьего-то голоса. И, подняв взгляд, обнаруживаю перед собой кондуктора.

– Да? – спрашиваю я, стараясь вежливо улыбнуться и подавить желание нагрубить мужчине просто за то, что прервал меня как раз в тот момент, когда генерал Тилни собирался дать согласие на брак Кэтрин и Генри.

– Вы должны сойти. Это конечная станция, – отрывисто говорит он.

– Что? – Я хмурюсь. – Этого не может быть. Мне нужно в Фейридейл, – объясняю я, пока роюсь в сумочке в поисках билета. Достав его, протягиваю билет кондуктору и указываю на конечный пункт. – Видите?

– Извините, но, должно быть, произошла ошибка. – Мужчина моргает, глядя на мой билет. – Железная дорога не проходит через Фейридейл. Тот, кто продал вам билет, вероятно, допустил ошибку, – говорит он, почесывая затылок.

– Как такое возможно, если контролер проверял билет? – возмущаюсь я.

– Видимо, он неправильно прочел пункт назначения. Извините, мэм, но дальше дороги нет.

Быть этого не может. Контролер внимательно просмотрел мой билет. Уверена, он не мог не заметить слово «Фейридейл», выделенное жирным шрифтом. Но, допустим, он и правда не заметил название городка – зачем мистеру Воану присылать мне неправильный билет? Если он сам из Фейридейла, то должен знать, что там нет железной дороги.

– Что же мне делать? Мне нужно попасть в Фейридейл.

– Ничем не могу помочь. Можете попытаться найти автобус или водителя, которые едут в том направлении. Хотя должен вас предупредить... – Мужчина замолкает, поджав губы.

Я вопросительно приподнимаю брови.

– В наши дни не так много людей посещают Фейридейл. И я бы посоветовал вам тоже пересмотреть решение.

– Почему это? – спрашиваю я, застигнутая врасплох его словами.

– Полагаю, вы не слышали о Джокере из Ипсуича?

Я хмурюсь и качаю головой.

– Он был убийцей, которому нравилось издеваться над своими жертвами. Все они были женщинами, – тихо говорит он и делает паузу, словно ожидая увидеть мою шокированную реакцию. Но когда я остаюсь спокойной и вместо этого выжидающе смотрю на него, он прочищает горло и продолжает: – Пару лет назад выяснилось, что он живет в Фейридейле, а в его доме нашли около дюжины трупов.

Рассказ поистине ужасен, но я все равно не понимаю, почему это превращает Фейридейл в проклятое место, и задаю ему этот вопрос:

– Но если его поймали, то почему люди избегают Фейридейла?

– Видите ли, мэм, он не первый преступник, которого поймали в этом городе. Он словно магнит притягивает негодяев. – Мужчина качает головой. – Едва ли вы найдете много желающих поехать туда.

Сестра Мэри говорила, что там рай для миллионеров. Кондуктор же утверждает, что это рай для преступников. С другой стороны, кто сказал, что эти два понятия несовместимы?

– Понятно, – отвечаю я, сохраняя невозмутимое выражение лица.

Боже милостивый, во что я вляпалась?

– И спасибо. – Я киваю ему и складываю вещи в сумочку, после чего встаю и снимаю чемодан с верхней полки.

– Желаю удачи, мэм, но на вашем месте я бы избегал этого городка. Особенно если вы одна... – Он замолкает, но подтекст в его словах очевиден.

– Приму к сведению. Хорошего дня. – Я слегка кланяюсь и прохожу между рядами кресел. Покинув поезд, сразу останавливаюсь, чтобы осмотреться и спланировать дальнейшие действия. Все это время в голове не перестают звенеть тревожные звоночки, а от воспоминаний о пугающем инциденте в уборной пульс учащается.

Вот что я получаю, решив рискнуть впервые в жизни. Следовало остаться дома и спокойно жить своей комфортной – может быть, даже слишком комфортной – жизнью. Все деньги мира не стоят тех переживаний, которые я испытываю, оказавшись одна в незнакомом месте.

Женщина без сопровождения.

Разве я недостаточно прочитала о пропавших молодых леди? Или не слышала по радио о последних исчезновениях? Меньше всего мне хочется стать еще одной статистической единицей, ведь едва ли кто-то станет искать сироту, у которой даже нет живых родственников.

Осторожная, здравомыслящая часть меня продолжает убеждать купить обратный билет в Бостон, в свою безопасную жизнь.

Но есть и другая сторона, та, которую я подавляла на протяжении всей жизни. Та, которая жаждет приключений, семьи и чувства сопричастности. Ищет цель, которой мне не найти в стенах Сент-Рассела.

Я горжусь своей работой и получаю удовольствие оттого, что хорошо с ней справляюсь, но это не я. Не моя истинная сущность. Или, по крайней мере, не вся я.

Я читала о приключениях, мечтала о них, но никогда не пыталась это осуществить. Ради бога, поездка из Вустера в Бостон – самое дальнее путешествие, которое я когда-либо совершала. Не говоря уже о том, что все поездки были исключительно деловыми. Я никогда не путешествовала для души. Хотя заработная плата вполне это позволяет.

И все же я ничего не делала.

Оставалась в своем маленьком пузыре, довольствуясь одним лишь наблюдением за миром, читая о нем и слушая от других людей, но не осмеливаясь что-либо предпринять.

Любопытство, которое точило меня всю жизнь, решает выглянуть наружу именно сейчас, подталкивая дальше. Шаг за шагом я продвигаюсь вперед, преисполненная новой уверенности и решимости найти кого-нибудь, кто подскажет, как добраться до Фейридейла.

Вместо бедной сиротки Дарси я стану храброй наследницей Дарси.

Только эта мысль приходит мне в голову, я чувствую, как кто-то врзается в меня, и пошатываюсь. Но прежде чем успеваю восстановить равновесие, у меня из рук вырывают чемодан.

Я реагирую очень медленно, и к тому времени, когда все же пытаюсь забрать свой чемодан назад, мужчина с растрепанными волосами и красными глазами бросает на меня полный отращения взгляд, плюет в лицо и толкает так сильно, что я падаю на спину.

Тяжело дыша, широко раскрытыми глазами смотрю, как он убегает с моим чемоданом, и ничего не могу сделать, чтобы остановить его. Люди на вокзале наблюдают за ним, но никто не шевелит и пальцем. Несколько жалостливых взглядов, несколько покачиваний головами, но никто даже не интересуется, все ли со мной в порядке.

Сморгнув слезы разочарования и смущения, пытаюсь встать и слегка пошатываюсь. Спина болит, локти пульсируют от удара об асфальт – я выставила их в попытке смягчить падение. Когда осматриваю их, замечаю содранную кожу и следы крови.

– Проклятье, – бормочу я, резко встряхиваясь и сдерживая ругательства, которые заставили бы монахинь упасть в обморок от такого богохульства.

По крайней мере, моя сумка цела. Единственное, чем я себя утешаю, пока ищу салфетку, чтобы стереть слюну. Но даже эта позитивная мысль скоро улетучивается, стоит мне только осознать, что большая часть денег осталась на дне чемодана. Не говоря уже об одежде и любимых вещах, на которые я копила месяцами.

Слезы затуманивают зрение, а гнев внутри нарастает.

– Ух. – Я скрежещу зубами и уже собираюсь пнуть стену, но в последнюю секунду останавливаюсь, понимая, что только причиню себе еще больше боли.

Мало того, что в Фейридейл не ходят поезда и придется добираться самой, так меня еще и ограбили.

Просто. Чудесное. Начало.

В кошельке меньше пятидесяти долларов, но, нащупав маленький футляр для драгоценностей, я с облегчением выдыхаю.

Брошь еще у меня.

Но как радоваться такой мелочи, когда я потеряла почти все, что у меня было?

Еще минуту назад я была бодра и полна решимости, а теперь настроение так ужасно испортилось, что я даже не представляю, как не расплакалась прямо на улице. Должно быть, все вокруг смотрят на меня... Я понимаю, что стала центром внимания, когда вижу, как парочка женщин хихикают в углу, а мужчины свистят мне и делают непристойные предложения.

Если здешние люди так себя ведут... то страшно подумать, каково будет в Фейридейле. Но я не позволю подобным мыслям остановить меня – не сейчас, когда я уже решила идти до конца.

Стиснув зубы, высоко поднимаю подбородок и пересекаю вокзал, направляясь напрямиком к информационной будке.

– Извините. – Я стучу в окошко, и скучающая женщина, громко чавкающая жевательной резинкой, смотрит на меня, удивленно приподняв бровь.

Взволнованная, я с трудом сглатываю и пытаюсь сохранить самообладание.

– Подскажите, пожалуйста, как попасть в Фейридейл? – Я стараюсь говорить как можно более дружелюбно в надежде получить хоть какую-нибудь полезную информацию.

Но даже этого явно недостаточно, потому что женщина оглядывает меня с ног до головы, и ее губы раздраженно подергиваются.

– Никак, милая, разве что у тебя есть машина, – отвечает она, и слова слетают с ее языка с пугающей легкостью.

В тот момент, когда я собираюсь задать следующий вопрос, она поворачивается ко мне спиной, игнорируя меня.

Я удивленно моргаю. Разумеется, так не обращаются с людьми, особенно когда в твои обязанности входит отвечать на вопросы.

– Простите, – прочистив горло, уже громче говорю я. Женщина слегка оборачивается и бросает на меня многозначительный взгляд. – Как мне найти машину?

– Милая, – она делает ударение на этом слове, – разве это место похоже на прокат автомобилей?

Я приоткрываю рот, шокированная ее тоном.

– Возможно, тебе повезет больше на главной дороге, – добавляет она, прежде чем снова отвернуться.

Понимая, что ничего от нее не добьюсь, я осматриваюсь по сторонам и, следуя указателям, выхожу на главную дорогу.

Пятидесяти долларов вполне должно хватить на дорогу до Фейридейла – и на обратный путь, если что-то пойдет не так. Но это не смягчает моего разочарования из-за потери более чем девятисот долларов и моей самой любимой одежды.

Вот так. Лишилась всего в мгновение ока.

В уголках глаз скапливается влага, и я поднимаю руку, чтобы вытереть слезы. Последнее, что мне сейчас нужно, – это поддаться переменчивому настроению или проявить слабость, когда совершенно ясно, что все здесь равнодушно к нарушению закона.

Глубоко вздохнув, выхожу на дорогу в поисках водителя, который отвез бы меня в Фейридейл. Возможно, это будет дороже, но зато гораздо удобнее, чем ловить случайную попутку.

Передо мной тянется длинная и пустая дорога. Солнце стоит высоко в небе, и жара почти невыносимая.

Я прикладываю салфетку ко лбу и вытираю несколько капель пота.

На мне темно-синяя рубашка и длинная черная юбка, и если придется идти пешком по такому пеклу, чтобы поймать такси, то я просто сварюсь.

Но только начинаю шагать вдоль дороги, как раздается пронзительный рев двигателя. Не проходит и секунды, как прямо передо мной останавливается черный «Бентли Континенталь». Возможно, я не очень хорошо разбираюсь в автомобилях, но знаю, что это чрезвычайно дорогая марка, которую обычно можно увидеть только в кино или на рекламных щитах.

Я с любопытством наблюдаю, как из машины выходит мужчина в костюме. На вид ему чуть за пятьдесят, а на висках пробивается седина.

– Мисс Дарси О'Салливан? – спрашивает он, шагая ко мне.

Я инстинктивно отступаю, в замешательстве хмуря брови.

Как он узнал, кто я?

– Кто вы такой? – огрызаюсь я, уже изучая окрестности и продумывая план побега. Если он сделает еще хоть шаг или попытается схватить меня, я закричу. Ударю его сумочкой по голове, может быть, пну между ног, а потом побегу так быстро, как только смогу.

Кивнув самой себе, принимаю боевую стойку и бросаю на него подозрительный взгляд.

– Приношу свои извинения, – говорит мужчина с улыбкой. – Я Мордехай Воан, поверенный мистера Пирса. Это я отправил вам письмо о его кончине.

Он говорит вкрадчиво, словно пытается внушить мне доверие. Но это приводит к обратному результату. Что за чертовщина тут творится?

В присланном билете стояла свободная дата. Он не мог знать, в какой день и какой час я приеду – если вообще приеду.

– Докажите, – бросаю я вызов.

Он снова медленно улыбается.

– Конечно. Помимо письма, я также отправил вам брошь в виде лебедя и ключ, – говорит он, подтверждая содержимое конверта.

– Ладно, – фыркаю я. – Допустим, вы и правда мистер Воан. Но как узнали, когда меня встречать? И почему появились как раз вовремя? – спрашиваю я, продолжая наблюдать за ним прищуренными глазами.

Вопрос не застает его врасплох. Выражение лица остается неизменным, а на губах даже появляется непринужденная улыбка.

– Мне позвонила сестра Анна. Она переживала за вас, – отвечает он. – Но я прибыл вовремя совершенно случайно, – усмехается он. – По правде говоря, я думал, что опоздал.

Я медленно киваю. Хотя в его словах есть смысл, я не могу избавиться от ощущения, будто что-то не так.

Да, сестра Анна непременно бы позвонила ему, чтобы убедиться, что со мной все в порядке, и, вероятно, настояла бы меня встретить. Но это не объясняет кое-чего другого.

– Через Фейридейл не проходит железная дорога, – заявляю я невозмутимым тоном. – Почему билет был до Фейридейла?

– О, правда? – Мистер Воан выглядит искренне удивленным. – Должно быть, опечатка. Я попросил своего ассистента купить вам билет до Фейридейла. Но не имел в виду билет прямо в город, – смеется он. – Все знают, что в Фейридейле нет железнодорожного вокзала.

– Верно, – бормочу я, все еще оценивая его.

Он дает правильные ответы, выражение его лица спокойное и доброжелательное. Но доверяю ли я этому человеку?

– Вполне справедливо. И еще кое-что, прежде чем я сяду к вам в машину, – говорю я со всей уверенностью, на какую сейчас способна.

– Да?

– Могу я взглянуть на ваше удостоверение личности?

– Разумеется, – с готовностью соглашается он и шагает вперед, одновременно запуская руку в карман пальто. На мгновение мне кажется, что он вытащит пистолет, и мои глаза расширяются. В голове тут же возникает миллион сценариев, включая желание пригнуться и убежать.

Но когда мистер Воан достает модный кожаный бумажник, вынимает из первого отделения водительские права и протягивает мне, я понимаю, что Кэтрин Морланд до меня далеко.

Я схожу с ума.

Изучая права, стараюсь скрыть смущение.

Фотография и имя соответствуют. Как и адрес в Фейридейле.

– Если я могу еще что-нибудь сделать, чтобы успокоить вас...

– Нет. – На моих губах появляется натянутая улыбка. – Этого достаточно, спасибо.

– Отлично. Тогда можем ехать. Семья с нетерпением ждет встречи с вами, мисс О'Салливан.

– Можете звать меня Дарси, – бормочу я, садясь на заднее сиденье машины.

Мистер Воан никак не комментирует выбор моего места, просто садится за руль и заводит двигатель.

– Не мог не заметить, что вы не взяли с собой багаж, – несколько минут спустя говорит он, по-видимому пытаясь завязать разговор.

Я громко вздыхаю в ответ, все еще переживая из-за ограбления.

Он поднимает бровь, и я ловлю его взгляд в зеркале заднего вида.

– Меня ограбили. – Я снова вздыхаю. – Кто-то выхватил мой чемодан, когда я сошла с поезда.

– О нет. – Мистер Воан внезапно останавливает машину. – Тогда нам нужно вернуться, посмотрим, сможем ли мы вернуть его.

– Нет, – качаю я головой. – Этот человек давно скрылся. Боюсь, мои вещи утеряны навсегда. Кроме того, вы сами говорили, что нам лучше поспешить.

– Вы уверены? Я могу привести кое-какие справки...

– Все в порядке. – Я заставляю себя улыбнуться. – В Фейридейле ведь есть магазин одежды?

– Конечно. В нашем маленьком городке вы найдете все, что нужно. – Мистер Воан тепло улыбается, а когда начинает говорить о Фейридейле, его лицо преображается.

Если раньше он казался мне немного чопорным и холодным, то теперь словно ожил.

– Не могли бы вы рассказать мне больше? Каково там?

– В Фейридейле? Это лучшее место на свете, – с энтузиазмом заявляет он.

– Вы давно там живете?

– всю свою жизнь, – отвечает он. – Это маленькое и тихое место с исторической атмосферой, которой нет нигде в мире. На мой взгляд, конечно, – добавляет он, увидев, что я хмурюсь.

– Поговаривают, это довольно криминальное место, – осторожно говорю я, но мистер Воан, кажется, не возражает.

– О, вы о Джокере? – усмехается он. – Наконец-то они поймали этого ублюдка, простите за выражение. То, что он находился в Фейридейле в тот момент, – просто совпадение. Он не был местным. У нас очень сплоченное сообщество, и все друг друга знают. Он снимал жилье всего несколько месяцев, прежде чем его нашли.

– Это слегка обнадеживает. – Я впервые искренне улыбаюсь ему и с облегчением выдыхаю.

– Не обращайте внимания на сплетни. Дурную репутацию Фейридейл заслужил из-за арестов в соседних городах. Но я всегда аргументирую это тем, что, по крайней мере, у нас есть аресты. Значит, наш шериф хорошо выполняет свою работу. А как насчет других мест? Они хвастаются нулевой преступностью не потому, что ее нет, а потому, что та остается незамеченной.

– Вы правы, – киваю я.

– Уверен, вам тут понравится. Все с нетерпением ждут с вами встречи.

– Даже семья? – тихо спрашиваю я, обхватив себя руками в защитном жесте.

– Конечно, – уверяет он. – Август, ваш сводный брат, ведет дела вместе со мной, и я точно знаю, что он давно хотел с вами познакомиться.

Это меня удивляет.

– Они давно знают обо мне?

Впервые мистер Воан колеблется. Поджимает губы и делает глубокий вдох.

– Август – да. А вот Грейс и Вики – это жена Лео – узнали только после смерти.

Я ничего не отвечаю. Если они узнали обо мне совсем недавно, вероятно, будут не в восторге от незнакомки, тоже претендующей на их деньги.

Мистер Воан продолжает говорить, восхваляя город и уверяя меня, что здесь скучать не придется.

– Знаю, Фейридейл не сравнится с Бостоном, но в нашем маленьком городке есть своя привлекательность. Он расположен рядом с природным заповедником, а на берегу реки находится чудесный водопад. В самом городе много исторических зданий. По крайней мере половина из них построена в восемнадцатом веке.

– Правда? Это впечатляет! – восклицаю я, радуясь возможности посетить их.

Я всегда питала слабость к архитектуре прошлого, да и к старинным предметам в целом.

– Поместье Хейлов может поспорить с замком. Оно стоит на холме – вы не пропустите его, когда въедете в город. А еще есть Старая Церковь, построенная в семнадцатом веке, – старейшая в городе и одна из старейших сохранившихся церквей в стране. Она закрыта для посещений, но представляет собой поразительное зрелище.

Я наклоняюсь вперед, очарованная описанием. Перспектива посетить настоящие руины приводит меня в восторг. Конечно, Бостон тоже может похвастать множеством исторических зданий, но между городской и сельской архитектурой есть существенная разница.

– Звучит заманчиво. Не могу дождаться, когда сама все увижу, – говорю я, поджимая губы.

– Я так понимаю, вам нравятся подобные вещи?

Я с энтузиазмом киваю.

– Я преподаю английский, но всегда питала слабость к истории.

– Нравится конкретный период?

– Хм. – Задумчиво постукиваю пальцем по подбородку. – Начало девятнадцатого века. И еще история Средиземноморья? Хотя сомневаюсь, что в ближайшее время смогу посетить Италию или Грецию, – усмехаюсь я.

– Почему нет? Никогда не знаешь, куда заведет жизнь, – замечает мистер Воан с понимающей улыбкой.

– Верно, – пожимаю я плечами. – Не стоит себя ограничивать.

– Хороший настрой. Но если вам по душе еще и восемнадцатый век, то, возможно, вас заинтересует чумное кладбище на окраине Фейридейла. Там самые изысканные надгробья, которые я когда-либо видел. – Он тихо присвистывает.

– Чумное кладбище? – переспрашиваю я, нахмурившись.

– В тысяча восемьсот пятом году эпидемия уничтожила все население. Большинство людей, которые сейчас живут здесь, – это потомки семей, переехавших сюда после эпидемии.

– Очень интересно, – киваю я, украдкой бросая взгляд на наручные часы и удивляясь тому, как быстро пролетело время. Мы в пути почти час, но мне кажется, что прошло всего десять минут.

– Вот мы и на месте. – Мистер Воан указывает на вывеску впереди.

Добро пожаловать в Фейридейл. Основан в 1805 году.

– Почему город так назвали? – Я задавалась этим вопросом с самого начала.

Мистер Воан смеется.

– Потому что здесь настоящая сказка. Особняк на холме, который я упоминал, – его построил один из основателей города для своей жены. Местные жители прозвали ее феей, а потом название прижилось и для города.

– Он построил ей особняк? – улыбаюсь я. – Как романтично!

Он задумчиво кивает.

– Так и есть. Даже сейчас город восхваляет их во время фестиваля Фей. Каждое первое октября.

Я уже собираюсь что-то сказать, но машина пронесется мимо знака «Добро пожаловать в Фейридейл».

Повернувшись к окну, чтобы полюбоваться пейзажем, поражаюсь неожиданному скоплению облаков, затянувших небо. Еще секунду назад оно было солнечным и ясным, а сейчас стало серым и унылым.

От внезапно раздавшегося грохота я подпрыгиваю и замечаю в темнеющем небе электрическую вспышку. Голубовато-белый свет, словно спускающаяся с небес ветка дерева, охватывает весь горизонт.

Вспышка. Еще вспышка. Один за другим электрические разряды волнообразно перемещаются по небу, будто исполняя небесный лебединый танец, и вскоре горизонт становится таким ярким, контрастируя с мрачным фоном.

– Черт возьми, – ругается мистер Воан, ударяя по рулю, и на мгновение выражение его лица меняется: прежняя добродушная улыбка исчезает, а его черты искажаются в гримасе. Когда он замечает мой испуг, что-то мелькает в его глазах, но оно быстро исчезает, и его губы вновь растягиваются в широкой улыбке.

– Просто небольшая гроза, мисс Дарси. Мы находимся недалеко от океана, так что у нас круглый год идут подобные штормы.

Я откидываюсь на спинку сиденья, шокированно глядя в зеркало заднего вида и вспоминая зловещее выражение, которое видела на лице мистера Воана. Но вскоре мое внимание снова привлекает надвигающаяся гроза – в небе раздается раскат грома, словно отточенный удар хлыста.

В звуках природы есть определенная мелодичность, поэтому вместо какофонии я слышу ритм. Я успокаиваюсь и словно становлюсь частью грозы. Вокруг меня все гремит, но я ощущаю лишь тишину.

Ветер бушует в полях, приминая траву к земле. Вскоре начинается мощный ливень, сопровождающийся оглушительным раскатом грома и ослепляющей молнией. Лобовое стекло сразу покрывается каплями, и их стук эхом отдается в салоне автомобиля.

Дождь продолжает свирепствовать, ветер только усиливается, вздымая мусор и небрежно разбрасывая его по обочинам.

Внезапно несколько листов бумаги прилипают к лобовому стеклу, закрывая весь обзор, и мистер Воан резко жмет на тормоза. Он хватается за руль мертвой хваткой, а черты его лица то напрягаются, то расслабляются.

Видимо, помня мою реакцию на его вспышку гнева, он старается сдерживаться.

– Это просто гроза, – повторяю я, чувствуя себя обязанной сказать это, чтобы разрядить обстановку.

– Да, конечно, – почти машинально отвечает он.

Мистер Воан включает стеклоочистители, чтобы убрать бумагу, но та никак не поддается.

– Думаю, она прилипла, – тихо говорю я. Бумага слишком влажная и, вероятно, просто так не отстанет от стекла. – Возможно, нам придется выйти и убрать ее.

Мистер Воан поджимает губы и скользит по мне взглядом. На мгновение задаюсь вопросом, не собирается ли он попросить выйти меня, но потом бормочет что-то себе под нос, резко распахивает дверь и выходит навстречу буре.

Ветер с воем врывается в открытый салон. Мистер Воан с трудом держится на ногах, пытаясь противостоять урагану. Он делает шаг вперед и два назад.

Кажется, проходит целая вечность, прежде чем он добирается до передней части машины. Но сколько бы ни пытался отодрать листы от лобового стекла, у него ничего не получается.

Когда проходят минуты, а результата по-прежнему нет, я жалею его и решаю выйти помочь. В конце концов, двое эффективнее одного. К тому же он такой мокрый и расстроенный на вид, что просто нельзя не посочувствовать ему.

Распахнув дверь, свешиваю ноги с сиденья и выпрыгиваю наружу. Я ожидаю почувствовать холодные капли на коже, даже готовлюсь к этому, но, оказавшись под дождем, не ощущаю ничего, кроме холода, сырости и пронизывающего безжалостного ветра.

Списываю этот феномен на свое искаженное восприятие и непоколебимое желание исправить ситуацию и поехать дальше. Приблизившись к мистеру Воану, предлагаю свою помощь:

– Позвольте мне? У меня ногти длиннее. – Я машу ухоженными руками. Мы с Эллисон каждый месяц посещаем салон красоты. Но поскольку моя должность не позволяет мне быть расточительной, я всегда делаю только базовый французский маникюр.

Мистер Воан внезапно оборачивается и хмурится, словно не ожидал меня увидеть. А оглядев меня с головы до ног, растерянно моргает.

Когда он ничего не отвечает, я подхожу ближе, наклоняюсь вперед, чтобы дотянуться до ветрового стекла, и с легкостью беру один лист за другим.

– Ну вот, получилось, – улыбаюсь я мистеру Воану.

Однако он не разделяет моего веселья. Он весь промок до нитки и смотрит на меня так, словно увидел привидение.

– Что-то не так? – спрашиваю я, сбита с толку. Но он лишь пронзает меня суровым взглядом, едва сдерживая хмурую гримасу; уголки его губ опущены. – Мистер Воан?

Собрав все листы с лобового стекла, я подхожу к нему. Мистер Воан застыл на месте, а на лице у него написан неподдельный ужас. Опасаясь, что что-то случилось, я протягиваю к нему руку.

– С вами все в порядке? – Но не успеваю коснуться его, как он отшатывается, делает шаг назад и презрительно смотрит на меня.

Мои глаза расширяются, а в груди вспыхивает паника.

– Я в порядке, – ворчит он и возвращается в машину; выражение его лица снова меняется. Я тоже забираюсь внутрь, немного встревоженная его поведением.

Мистер Воан закрывает дверь и, даже не оглянувшись на меня, заводит двигатель. Я же опускаю взгляд на влажные листы в руках и с удивлением вижу беспорядочно разбросанные по бумаге буквы. Они все разные, и, перебрав их, я составляю предложение.

– Мисс Дарси, – внезапно окликает меня мистер Воан.

Я вскидываю голову и встречаюсь с ним взглядом в зеркале заднего вида. Его губы растянуты в кривой улыбке, но та не касается глаз.

– Да? – Я в замешательстве хлопаю ресницами.

– Вы не намокли, – заявляет он невозмутимым тоном, но в его словах ощущается горечь.

Я медленно опускаю глаза, поправляю одежду и волосы и вдруг понимаю, что на самом деле не промокла.

– Наверное, не стояла против ветра, – бормочу я, едва справляясь с шоком от нового открытия. И все же оправдание звучит нелепо даже для меня самой.

– Наверное, – соглашается он, хотя выражение его лица противоречит словам.

Я растягиваю губы в робкой улыбке, не зная, что еще добавить. Чувствую, что мой собственный мозг играет со мной. Но потом снова смотрю на колени и лежащие на них листы бумаги, на которых написано всего три слова:

Не. Доверяй. Им.

Оглянувшись, я с удивлением замечаю, что мистер Воан исподтишка наблюдает за мной – его внимание полностью сосредоточено на мне, а не на дороге впереди. Когда ловлю его взгляд, он одаривает меня дружелюбной улыбкой, но я уже сомневаюсь, что доверяю ему.

Боже милостивый, во что я ввязалась?

Глава третья

Гроза все не утихает, а шум дождя, барабанившего по стеклам машины, становится все более отчетливым.

Мистер Воан больше не пытается вовлечь меня в разговор, и я благодарна ему за небольшую передышку. Я все еще беспокоюсь из-за его вспышек агрессии и не представляю, что думать о нем самом или о ситуации в целом. И хотя поначалу мистер Воан казался мне достаточно сердечным, я не могу избавиться от ощущения, что за его непринужденной улыбкой скрывается что-то совершенно иное.

Листы бумаги со странными словами тоже не успокаивают мое растущее беспокойство, и я начинаю нервничать из-за предстоящей встречи с семьей.

К счастью, вскоре мы въезжаем в населенный район и по обеим сторонам дороги появляются первые дома – маленькие и совсем неприметные. По мере продвижения они становятся все больше и эффектнее, но потом мы добираемся до района, где расположены одни из самых красивых домов, что я когда-либо видела.

Как ни странно, в тот момент, когда меняется архитектурный пейзаж, шторм, кажется, стихает. Облака медленно рассеиваются, дождь становится более редким, пока не прекращается совсем. И к тому времени, как мы сворачиваем за угол, в небе уже ярко светит солнце, словно никакой грозы не было.

– Приехали, – коротко объявляет мистер Воан, паркуя автомобиль перед четырехэтажным особняком. – Это дом Пирсов, – говорит он мне, приглашая выйти.

Сделав глубокий вдох, я открываю дверь и следую за мистером Воаном по узкой дорожке к парадному входу.

Он стучится, и через несколько секунд кто-то открывает дверь.

– Мордехай, дорогой, ты весь мокрый! – ласково восклицает женщина, едва сдерживаясь, чтобы не броситься в его объятия.

– Вики, – приветствует ее мистер Воан совершенно другим голосом. – Мы попали в шторм на окраине. – Он вкратце рассказывает ей о случившемся, стоя ко мне вполоборота.

В этот момент Вики – судя по всему, жена моего покойного отца – смотрит поверх плеча мистера Воана и замечает меня. Ее губы сжимаются в тонкую линию, а глаза скользят по моей фигуре, оценивая меня с головы до ног.

– Мисс Дарси О'Салливан, я полагаю, – бормочет она, понизив голос на октаву.

Я заставляю себя улыбнуться.

– Приятно познакомиться. – Делаю шаг вперед и протягиваю руку.

Она неохотно пожимает мою ладонь с такой же натянутой улыбкой, как у меня.

– Она не промокла, – шепчет Вики, глядя на мистера Воана.

– Нет, – коротко отвечает он, и я чувствую в их разговоре скрытый подтекст.

Но не успеваю даже подумать об этом, потому что меня проводят в большую гостиную. Еще один мужчина и девушка примерно моего возраста уже сидят там, словно ждали нас.

– Мисс Дарси, это Август и его сестра Грейс, – скучающим тоном сообщает мистер Воан, указывая на них.

– Добро пожаловать в Фейридейл. – Молодой человек с черными волосами и темно-синими глазами неуверенно улыбается мне. Они оба очень похожи на меня, и я не могу не задаться вопросом, не унаследовали ли мы эти общие черты от нашего отца.

Я еще не видела фотографий Лео Пирса, но помню мать, и мы с ней совершенно разные. У нее были светлые волосы, которые летом приобретали рыжеватый оттенок, и светло-серые глаза – ничего общего с моими темными волосами и синими глазами.

– Приятно познакомиться. – Я пожимаю Августу руку и тянусь к Грейс. Она примерно моего роста, у нее темно-каштановые волосы и светло-зеленые глаза.

Грейс на мгновение встречается со мной взглядом, и ее верхняя губа слегка дергается. Затем она громко фыркает и отворачивается, игнорируя мое приветствие.

– Я ожидала чего-то другого, – сухо говорит она, едва взглянув на меня. – Разве ты не говорил, что она городская? Тогда почему она такая... невзрачная?

Я моргаю, ошеломленная ее словами.

И все же от столь грубого замечания не только я одна теряю дар речи. Ее мать ахает, а мистер Воан бормочет что-то о том, что ей стоит следить за манерами.

– Ну я тоже ожидала, что Фейридейл окажется более... приветливым. Но мы не всегда получаем то, что хотим, – отвечаю я более саркастичным тоном, чем собиралась.

Я и так уже в чужом городе, в окружении незнакомцев. И не могу позволить им увидеть мои слабости, иначе они попытаются воспользоваться ими. Особенно потому, что, как только мы въехали в Фейридейл, меня охватило дурное предчувствие.

Глаза Грейс расширяются, и она уже открывает рот, явно собираясь ответить мне тем же, но видит что-то за моей спиной – скорее всего, выражение лица матери – и останавливает себя.

Интересно, связана ли ее неприязнь ко мне с завещанием? Конечно, никому бы не понравилось делить свое имущество с незнакомцем. И судя по всему, несмотря на заверения мистера Воана, семья не в восторге от встречи со мной.

– Грейс, тебе следует извиниться перед Дарси, – мягко упрекает дочь миссис Пирс.

– Все в порядке, – вмешиваюсь я и добавляю с легкой улыбкой: – Я знаю, что одеваюсь не слишком модно. В конце концов, я обычная учительница, а не модель с рекламного плаката.

В ее комментарии есть доля истины, поскольку и прическа, и одежда у меня, в отличие от Грейс, не соответствуют последнему писку моды. Ее волосы коротко подстрижены и уложены в стиле Грейс Келли, в то время как мои заплетены в длинную простую косу, спускающуюся по спине. Ее одежда пестрит искусно вышитыми узорами, а моя однотонная. Но мне просто не хочется следовать современной моде. Я не хожу по клубам и ресторанам. Я преподаю в школе-интернате, а после возвращаюсь к своим книгам. Зачем мне вкладывать столько усилий в свой внешний вид, если этого никто не увидит?

Однако это не значит, что я не ценю моду. Просто обстоятельства складываются так, что я не нуждаюсь в модных вещах.

Грейс по-прежнему смотрит на меня враждебно, и я понимаю, что она не хочет иметь со мной ничего общего.

– Ты так великодушна, дорогая. – Миссис Пирс подходит ко мне и берет за руку. Сквозь меня словно проносится электрический разряд, и я вздрагиваю от этого неприятного покалывания на коже.

Даже не задумываясь, вырываю руку из ее хватки.

– Извините, я немного вспотела с дороги. Буду благодарна, если вы покажете мне магазин, где можно купить что-нибудь из одежды.

– У мисс Дарси украли багаж на вокзале, и ей нужна новая одежда, – объясняет мистер Воан.

– Чепуха, – перебивает миссис Пирс с оживленным выражением лица. – Грейс тебе что-нибудь одолжит, не так ли, дорогая? Кажется, у вас один размер. – Ее голос мягкий, но в нем безошибочно слышится приказ. Она одаривает Грейс суровым взглядом, и та мгновение колеблется, прежде чем кивнуть.

Я смотрю то на одну женщину, то на другую, уверенная, что они чего-то недоговаривают. Мне кажется, что Грейс совершенно не рада предложению матери, но почему-то безоговорочно подчиняется ее требованиям.

– Я бы предпочла купить новую, – улыбаюсь я. Конечно, мне неудобно одалживать хоть что-то у девушки, которая испепеляет меня взглядом.

– Не беспокойся об этом, дорогая. – Миссис Пирс снова касается моей руки, и я напрягаюсь, чтобы не вздрогнуть. – купишь новые вещи позже. А пока позволь Грейс дать тебе что-нибудь из своего гардероба.

Спустя еще несколько минут споров я понимаю, что миссис Пирс не примет отказа, поэтому соглашаюсь принять пару нарядов на первое время.

– Почему бы вам не подняться, чтобы мисс Дарси могла переодеться, а потом мы все вместе поужинаем? Уверена, ты проголодалась после долгой дороги, правда, дорогая?

– Верно, – с трудом выдавливаю я. Ее чрезмерно веселый тон не только раздражает меня, но и кажется неестественным.

Следуя за Грейс наверх, я восхищаюсь красотой дома. Все, начиная от его размеров и заканчивая внутренней отделкой и мебелью, указывает на немыслимое богатство семьи.

Поднявшись на третий этаж, Грейс открывает дверь и неохотно приглашает меня войти.

– Спасибо, – бормочу я, но она не отвечает.

Ее комната просто огромна, вероятно, в три раза больше той, что мы делим с Эллисон в Сент-Расселе. И у нее есть все... Я моргаю, осматриваясь по сторонам, и замечаю, что к спальне примыкают ванная и гостиная – такое я видела только в журналах и кино.

Пока я глазею на всю эту красоту, Грейс подходит к шкафу и, недолго порывшись в нем, достает пару платьев, блузку с брюками в тон и кое-что для сна.

– Это слишком много, – протестую я. Мне нужна одежда только на один день, поскольку планирую добраться до магазина в ближайшее время.

– Если не предложу подходящие варианты, мать надерет мне задницу, – говорит она невозмутимым тоном и вручает мне вещи.

Я медленно киваю.

– Можешь пройти туда, чтобы привести себя в порядок и переодеться. – Она указывает на ванную комнату.

Я снова благодарю ее и закрываюсь внутри.

Раздевшись, умываюсь прохладной водой и только потом надеваю одно из платьев – белое в цветочек и с зауженной талией. Оно подходит мне идеально, а ткань невероятно мягкая на ощупь. Следующие несколько минут я провожу, разглядывая себя в зеркале во всю стену и восхищаясь тем, как платье облегает фигуру.

Если получу долю наследства по завещанию, возможно, в будущем смогу позволить себе что-нибудь похожее.

При мысли об этом мои щеки заливаются румянцем. Эллисон верно сказала: как только у меня появятся деньги, я смогу делать все, что пожелаю. И возможная финансовая независимость – единственное, что побуждает меня остаться здесь, несмотря на внутренний дискомфорт.

Я уже разочаровалась в сводных брате и сестре, поскольку ни один из них, похоже, не в восторге от моего присутствия. Август был более осмотрителен, но я все равно чувствовала его нерешительность. А Грейс, может, и вела себя грубо, но прямо намекнула на то, как все они на самом себе относятся ко мне.

Мне здесь явно не рады.

Сделав глубокий вдох, я возвращаюсь в комнату и обнаруживаю, что Грейс нетерпеливо постукивает ногой.

– Что-то ты долго, – ворчит она и, скользнув по мне взглядом, выходит за дверь.

Я лишь поджимаю губы и спускаюсь вслед за ней в столовую, где все уже заняли свои места.

И от моего внимания не ускользает, что мистер Воан расположился на одном конце стола – именно там, где должен сидеть глава семьи. Разве после смерти Лео Пирса эта роль не должна была достаться его сыну Августу?

Странно. Но то же самое можно сказать и об отношениях Воана с Вики Пирс – язык их тел слишком фамильярен для простых отношений работодателя и служащего.

К счастью, мне нет никакого дела до их личной жизни. Я здесь только для того, чтобы выслушать завещание, а потом вернуться домой.

Нацепив на лицо улыбку, я сажусь за стол между Августом и Вики Пирс.

Через мгновение двое слуг быстро приносят еду и ставят тарелку передо мной.

– Расскажи нам побольше о себе, Дарси, – говорит миссис Пирс.

– Особо нечего рассказывать, – отвечаю я, а потом кратко сообщаю им о том, чем занимаюсь и каковы мои полномочия. Я не вдаюсь в подробности и раскрываю лишь то, что они и так уже, несомненно, знают.

– Должна признаться, для меня было шоком узнать, что у моего дорогого Лео есть еще один ребенок, – вздыхает она.

– Ты хотела сказать, что он тебе изменил? – нагло спрашивает Грейс у матери.

– Грейс! – восклицают одновременно Август и миссис Пирс.

– Ты же знаешь, все было не так. Мы тогда были в ссоре, он переехал в Бостон, а я осталась здесь, – говорит она, деликатно вытирая уголки рта. – Я не вправе осуждать его за то, что он нашел кого-то, когда мы уже не думали о совместной жизни.

Миссис Пирс продолжает рассказывать о том, что произошло за это время, но никто за столом, похоже, не обращает внимания на ее болтовню, – словно эта отрепетированная речь подготовлена исключительно для меня.

– Пожалуйста, Дарси, знай, что я не имею ничего против тебя. Ты – часть Лео, такая же, как мои Август и Грейс. И мы очень рады твоему приезду. – Она дотрагивается до моей руки в тот же момент, когда я беру стакан с водой.

– Спасибо, – бормочу я, делая глоток и медленно отстраняясь от нее.

Не знаю, что такого в этой женщине, но прежде я никогда не чувствовала к кому-то столь сильной неприязни. Она выглядит милой, пусть и немного фальшивой, и все же скорее походит на обычную трофейную жену, чем на убийцу с топором.

– У меня вопрос. – Я поворачиваюсь к мистеру Воану. – Какова причина смерти? В вашем письме не упоминалось, из-за чего умер отец.

Все замолкают, и только наше тяжелое дыхание эхом отдается в просторном помещении, нарушая воцарившуюся тишину.

– Сердечный приступ, – отвечает миссис Пирс, в то время как мистер Воан говорит:

– Повреждение головного мозга.

Снова молчание.

Я в замешательстве осматриваю сидящих за столом родственников.

Краем глаза замечаю, что Август так крепко сжимает нож, что его кончик почти сгибается. Губы миссис Пирс сжаты в тонкую линию, а мистер Воан, прищурившись, наблюдает за мной.

– Это было одновременно и сердечный приступ, и повреждение головного мозга, – произносит он так медленно, как будто хочет донести эту информацию до всех присутствующих. – У него случился сердечный приступ, но его реанимировали. Он выжил, но пробыл без кислорода слишком долго, поэтому было объявлено о смерти мозга.

Медленно кивнув, подношу стакан к губам и делаю еще один глоток воды, украдкой наблюдая за четырьмя незнакомцами за столом. В этот, на мой взгляд, беспрецедентный момент они смотрят друг на друга, а на их лицах отражается неприкрытая злоба и жадность. Словно я попала в лес, кишасший волками, борющимися за господство. Эта мысль поражает

меня, словно молния, и я понимаю, что, как бы ни прошло оглашение завещания, я не единственный враг в доме.

Словно почувствовав нарастающее напряжение, миссис Пирс переводит разговор на покойного Лео Пирса и рассказывает о нескольких смешных случаях, чтобы разрядить обстановку.

Вскоре ужин заканчивается, и мистер Воан сообщает, что отвезет меня домой.

– Ко мне домой? – удивленно восклицаю я.

– Ключ, который я вам отправил, мисс Дарси. Он от дома в северной части города, который принадлежал Лео. Мы с Вики приготовили его специально для вас, чтобы вы не чувствовали себя некомфортно в доме с незнакомыми людьми, – объясняет он. – Вы получите уединение, в котором нуждаетесь, поскольку последующие дни будут довольно напряженными, – говорит он, а потом подробно описывает предстоящее расписание. Завтра состоятся похороны, а оглашение завещания – послезавтра.

– О, спасибо. Очень любезно с вашей стороны, – благодарю я мистера Воана и миссис Пирс.

Попрощавшись со всеми, снова оказываюсь на заднем сиденье машины, и мистер Воан везет меня к месту назначения – к дому номер двенадцать по Астор-Плейс.

Вскоре я понимаю, что под северной частью города он подразумевал другой его конец.

Мы едем уже около десяти минут, а для маленького городка это очень большое расстояние.

Через некоторое время, несмотря на темнеющее небо, перед нами отчетливо открывается вид на знаменитый холм Фейридейла, а также на величественное поместье Хейлов, о котором ранее упоминал мистер Воан.

Он не солгал, сказав, что поместье скорее напоминает замок. И хотя оно построено в неоклассическом стиле, его величие и огромные размеры вполне позволяют ему претендовать на этот титул.

Даже издалека это впечатляющее строение и окружающий его пейзаж создают поразительную картину. И по мере того, как мы приближаемся, меня охватывает предвкушение, отчего по телу даже бегут мурашки.

Помимо туристических достопримечательностей Бостона, я видела не так много исторических зданий. И никогда не бывала внутри. Но очень надеюсь посетить поместье до того, как придется возвращаться.

Я так заворожена видом поместья в наступающей темноте, что едва замечаю, как машина останавливается.

– Мы на месте, – внезапно говорит мистер Воан.

Вернувшись в настоящее, я медленно выхожу из машины. И вижу настолько безрадостное место, что невольно вздрагиваю. Поместье Хейлов, расположенное на вершине уединенного холма, кажется колыбелью изысканности, но вблизи производит совершенно противоположное впечатление.

На улице всего два строения: Астор-Плейс, 12, и еще одно здание напротив. По обе стороны грунтовой дороги простираются поля.

Она даже не заасфальтирована.

Боже милостивый, я была так увлечена видом поместья, что даже не заметила, как мы выехали из оживленного района и оказались прямо на окраине.

– Довольно далеко от города, – нерешительно замечаю я.

– Вовсе нет. – Мистер Воан шагает рядом с суровым выражением лица. – До города пятнадцать минут пешком. – Он указывает в ту сторону, откуда мы только что приехали. – Это поместье Хейлов, а вон там скала, ведущая к океану.

Я в ужасе поджимаю губы.

– А это? – Я поворачиваюсь к зданию на другой стороне улицы. Его острые углы, стрельчатые арки и витражи указывают на готический стиль.

– Это Старая Церковь. Не беспокойтесь. Она заперта. Ею больше не пользуются, но и превратить во что-то новое никто не берется. Она построена в семнадцатом веке, – добавляет он, и я вспоминаю, что он уже рассказывал о ней.

Я рассеянно киваю, хотя в глубине души меня терзают сомнения.

– Неужели в городе нет другого места, где я могла бы переночевать?

Конечно, дом передо мной прекрасен, но мне совершенно не хочется жить так далеко от города, да еще и через дорогу от Старой Церкви, которая выглядит скорее жутковато, чем красиво, несмотря на свою, несомненно, увлекательную историю. И чем больше думаю об этом, тем сильнее страх сковывает меня.

Поместье Хейлов тоже находится не так уж и близко, несмотря на оптическую иллюзию, создаваемую его размерами и расположением на холме. И в результате я оказываюсь... у черта на куличках. В чужом городе. В окружении незнакомцев.

Нет. Не самая лучшая идея. Именно это я и говорю мистеру Воану.

– Я не могу остаться здесь одна.

– Отец хотел оставить этот дом вам, мисс Дарси. Я не случайно дал ключ. Через несколько дней он будет вашим.

Я моргаю, не ожидая услышать такой ответ.

– Вы уверены?

Он кивает.

– Я на протяжении десятилетий был поверенным Лео. И он хотел, чтобы у вас было где остановиться в Фейридейле, ведь это и ваш дом тоже.

Затем он улыбается – отрепетированной улыбкой, которая не отражается в глазах. И пристально смотрит на меня в ожидании того, что я соглашусь.

– Неужели здесь нет гостиницы? – иначе формулирую свой вопрос, хотя шансы на то, что в столь маленьком городке найдется отель, в лучшем случае невелики.

Почему мистер Воан не видит, насколько здесь жутко? Что я, одинокая женщина, окажусь совсем одна посреди голых полей? Да и как я могу оставаться здесь, сомневаясь, что на многие километры вокруг есть хотя бы телефон?

Учитывая расположение дома, я почти уверена, что в прошлом – когда Старая Церковь еще функционировала – здесь жил пастор со своей семьей. И не думаю, что хочу спать в доме, который...

– Чего вы так боитесь, мисс Дарси? – прерывает мои размышления мистер Воан; его голос звучит так хрипло, что волосы у меня на теле встают дыбом.

Инстинктивно делаю шаг назад и прижимаю руки к груди.

– Я буду одна, – бормочу я. – Что, если кто-нибудь вломится в дом? Что, если...

Он поднимает руку, перебивая меня.

– Значит, вы беспокоитесь о безопасности?

Я с жаром киваю.

– Идемте, – говорит он тоном, граничащим с раздражением, и просит дать ему ключ. Я так и делаю, а потом наблюдаю, как он открывает дверь и входит внутрь. Полы под его ногами тут же начинают скрипеть.

Я заметно вздрагиваю от неприятного скрипа. Конечно, Сент-Рассел находится в более старом здании, но там меня, по крайней мере, окружали люди.

Включив свет в прихожей, мистер Воан приглашает меня войти.

Интерьер внутри более современный, чем кажется снаружи, но в доме, очевидно, никто не жил уже много лет, а может, и десятилетий.

– Смотрите. – Мистер Воан указывает на дверь и множество замков на ней. – Если запрется, никто не проникнет внутрь. Кроме того, несмотря на неприятные слухи о преступности, Фейридейл – очень мирный городок. наших жителей никогда ни в чем не обвиняли. Проблемы с законом возникают только у приезжих, – говорит он как ни в чем не бывало, но при взгляде на меня у него слегка подергивается скула.

– Ясно, – тихо отвечаю я.

А что еще мне говорить? Что я ни при каких обстоятельствах не стала бы спать в этом месте? Можно попытаться, конечно, но выражение лица мистера Воана говорит о том, что он не собирается помогать мне. А значит, либо пугающий дом, либо... улица.

– Гостиная внизу, наверху две спальни. Можете выбрать ту, которая вам больше понравится. Вода здесь чистая и пригодна для питья, есть газ и немного консервов в шкафчиках. Вики позаботилась о том, чтобы на кухне у вас было все необходимое.

Мои глаза расширяются от удивления.

– Спасибо, – бормочу я. Теперь мне даже немного стыдно за то, что сорвалась. Меньше всего я хочу, чтобы они считали меня избалованным ребенком, которому нужны только деньги, что, по общему признанию, верно. Однако они хорошо приняли меня и приложили немало усилий, чтобы мое пребывание здесь было комфортным. Я не собираюсь задирать нос.

– Похороны завтра в полдень. Я заеду за вами в одиннадцать тридцать. Спокойной ночи.

Мистер Воан не дожидается моего ответа и уходит прочь, оставляя меня одну в старом – ладно, не таком старом, как церковь через дорогу, – доме.

Дверь с глухим стуком закрывается, и я спешу запереть замки.

Убедившись, что все надежно заперто, подхожу к окнам и проверяю, плотно ли они закрыты.

И все же осознание того, что никто не сможет войти в дом, не успокаивает мои нервы. Сердце по-прежнему громко бьется в груди.

– Ты справишься, Дарси, – говорю я себе, пытаюсь приободриться. – Подумай о деньгах. И о том, что сможешь с ними сделать. Отправиться в Англию, или во Францию, или даже в круиз по Средиземному морю. Увидеть Версаль, позагорать на Капри и прогуляться по Акрополю.

Представляя свое будущее, я наполняюсь решимостью.

Если таков единственный способ получить деньги, то я готова.

Кивнув самой себе, чувствую, как прежнее беспокойство покидает меня, и делаю несколько медленных глубоких вдохов. Когда наконец беру себя в руки, а моя решимость растет, я начинаю осматривать дом. В конце концов, по словам мистера Воана, он скоро станет моим – официально.

Но при мысли об этом я закатываю глаза. Вряд ли после оглашения завещания я вернусь в Фейридейл.

Сперва захожу на кухню. Роняю сумку с одеждой Грейс на стул и осматриваю шкафы, убеждаясь, что еды достаточно – и точно не для одного человека, который останется всего на несколько дней. Полки битком забиты, словно кто-то готовился к апокалипсису.

Посмеиваясь про себя, проверяю холодильник и нахожу внутри свежие продукты, мясо и овощи.

Неужели Вики в самом деле все продумала?

Поскольку в доме Пирсов я почти ничего не ела и уже проголодалась, готовлю себе небольшой бутерброд и отправляюсь осматривать остальную часть дома. Направляясь к лестнице, нахожу выключатель на стене и щелкаю им, потом поднимаюсь на второй этаж и включаю свет в коридоре. В освещенном свете дома я чувствую себя гораздо увереннее. На втором этаже три двери: одна из них ведет в ванную, а две другие – в спальни.

Я осматриваю каждую комнату, но выбираю ту, что расположена ближе к ванной, – скорее всего, побоюсь проходить ночью большие расстояния.

В спальне есть двуспальная кровать, большой шкаф и письменный стол у окна. Простыни чистые и источают странный цветочный аромат.

И пускай обстоятельства пока не самые идеальные, я невольно улыбаюсь. Не сдержавшись, запрыгиваю на кровать и начинаю смеяться, почувствовав, как матрас пружинит подо мной.

Впервые в жизни я буду спать на такой огромной кровати, и от этой мысли голова идет кругом. Перекатившись на живот, я еще громче хихикаю и наслаждаюсь мягкими простынями.

Да, это начало чего-то нового. Даже после всех странностей, случившихся сегодня днем, я с оптимизмом смотрю в будущее. Где-то глубоко внутри чувствую, что этот опыт изменит всю мою жизнь.

Еще немного повалявшись на ароматных простынях, я наконец решаю принять ванну и лечь спать. В конце концов, завтрашний день обещает быть насыщенным.

Встав с постели, я достаю ночную рубашку, которую одолжила мне Грейс, и иду в ванную.

Как и на кухне, здесь есть все необходимое: мыло, шампунь, полотенца и туалетная бумага. Обрадовавшись, что смогу тщательно вымыться после долгого путешествия, закрываю дверь и запираю ее на всякий случай, после чего снимаю одежду и закалываю волосы.

Включаю воду и, настроив нужную температуру, забираюсь в ванну, задергиваю занавеску и устраиваюсь поудобнее.

Ванна продолжает наполняться водой, а я нежусь в ее тепле. Откинув голову на бортик, устало вздыхаю, закрываю глаза и позволяю себе наконец забыть о стрессе.

Когда я в последний раз принимала настоящую ванну?

Конечно, в Сент-Расселе хорошие условия, но там нет ванны. И нам приходится быстро принимать душ, чтобы уложиться в отведенную норму горячей воды. У меня давно не было возможности вот так расслабиться.

Я принимала настоящую расслабляющую ванну лишь однажды, когда сестра Анна и сестра Мэри разрешили мне воспользоваться их комнатой.

Хорошенько отмокнув в горячей воде, начинаю тянуться за мылом. Но как только пальцы касаются куска, замечаюдвигающуюся тень прямо за занавеской. Я вздрагиваю, инстинктивно отпрянув назад, и резко поворачиваю голову.

Ничего.

Там ничего нет.

И просто чтобы убедиться в этом, отдергиваю занавеску.

Ванная комната пуста.

Дыхание прерывается, а сердце бешено колотится, пока я смотрю на белую занавеску, уверенная, что видела какое-то движение.

– Я схожу с ума, – бормочу себе под нос.

Наверное, все из-за книг и незнакомой обстановки. Вспоминаю глупые мысли Кэтрин из «Нортенгерского аббатства» и мысленно ругаю себя за то, что веду себя так же.

– Призраков не существует, – говорю я вслух, словно желая внушить самой себе, что это правда. Но призраков в самом деле не существует. Все страхи только у меня в голове и в причудливом воображении, которое сформировалось за годы чтения готической литературы.

Нет никакой сумасшедшей, живущей на чердаке³, и никакой Ребекки⁴, которая бы преследовала меня.

Рациональная часть моего мозга верит в это, но есть и другая – суеверная, которая видит во всем дурное предзнаменование. И с тех пор как я приехала в Фейридейл, их уже было предостаточно.

---

³ Вероятно, речь про тайную жену мистера Рочестера из романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр».

⁴ Имеется в виду Ребекка де Винтер из романа Дафны Дюморье «Ребекка».

– Нет. – Я мотаю головой и сжимаю губы в напряженную линию. – Я не поддамся страхам снова.

Нечто подобное уже случилось со мной – сразу после смерти матери. Я была новенькой в приюте и, честно говоря, страшно напуганной. Не могла спать по ночам, а в какой-то момент мне и вовсе стала мерещиться темная фигура, наблюдающая за мной у изножья кровати.

Так продолжалось целый год. Я пыталась рассказать о видениях монахиням, но те лишь уверили меня, что в комнате никого нет – в конце концов, остальные девочки ничего не видели и спали спокойно.

После того как меня отчитали за то, что я выдумывала истории о привидениях, чтобы напугать остальных, я перестала говорить об этом. А со временем исчезла и темная фигура.

Сейчас это кажется далеким воспоминанием. Но тогда я чувствовала себя ужасно. Особенно из-за того, что мне никто не верил и вместо этого все только смеялись и называли меня сумасшедшей.

И все же самым странным было даже не само видение – я уверена, что там что-то было. А сама мысль о том, что хоть я и была напугана неестественностью происходящего, от сущности не исходило угрозы. На самом деле иногда мне казалось, что она просто наблюдала, как я сплю.

Я и по сей день думаю, что это мама пыталась помочь мне пережить ее смерть – своим собственным, потусторонним способом.

Может, это глупо. Может, я слишком похожа на Кэтрин. Но я предпочитаю верить в это, а не считать себя сумасшедшей – и тогда, и сейчас.

Выбравшись из ванны, вытираюсь полотенцем и надеваю ночную рубашку. И хотя понимаю, что в ванной стою совсем одна, не могу избавиться от ощущения, будто за мной кто-то наблюдает. Я даже оборачиваюсь несколько раз, но ничего не вижу.

Тяжело вздохнув, возвращаюсь в комнату, забираюсь под чистые простыни и пытаюсь заснуть.

Однако спустя пару часов я по-прежнему ворочаюсь с боку на бок, а сон никак не приходит. Бросаю взгляд на часы и замечаю, что уже почти полночь.

– Проклятье, – тихо ругаюсь я.

Перевернувшись на спину, смотрю в потолок и размышляю, стоит ли считать овец.

И, сдавшись, начинаю счет:

– Одна овца, две овцы, три... – Я замолкаю, когда воздух оглашает какофония звуков.

Я резко выпрямляюсь, широко раскрыв глаза. Вся усталость тут же исчезает.

Сперва звучат глубокие басы, за которыми следует череда более высоких нот.

Музыка.

Это музыка.

В такой поздний час.

В богом забытом месте.

Наострив уши, я узнаю звуки органа. А где еще можно услышать орган, как не... в Старой Церкви.

Я с трудом сглатываю.

Мистер Воан сказал, что она давно закрыта, а учитывая удаленность этого места от города, кто мог прийти сюда в такое время? Кто-то решил подшутить надо мной? Это кажется мне наиболее вероятным сценарием.

Но следом за этой мыслью в голову приходит кое-что другое. Мой излюбленный вопрос «что, если?».

Что, если все это – лишь тщательно продуманный план, чтобы заставить меня сбежать и отказаться от наследства? Что, если Пирсы знают, что дом перейдет ко мне по наследству, и хотят этому помешать?

Мне было бы неловко мысленно обвинять их, если бы я не видела, как они вели себя за ужином и какими взглядами обменивались украдкой, когда думали, что я не смотрю.

Наконец приняв решение, я вскакиваю с кровати, быстро скидываю ночную рубашку и натягиваю платье с туфлями. Затем выхожу из комнаты и твердым шагом спускаюсь по лестнице.

Если они хотят поиграть со мной, то пусть знают, что я не слабачка и меня так просто не запугать.

Открыв все замки, я выскакиваю из дома и перехожу дорогу, направляясь к Старой Церкви.

Музыка все еще гремит, и в ночной тишине она кажется еще громче. Но когда я останавливаюсь перед входом, мелодия внезапно меняется. Я узнаю Токкату Баха, чье звучание завораживающе прекрасно.

Кожа покрывается мурашками, и я замираю, вцепившись пальцами в ржавую дверную ручку.

Звук разносится в ночи, словно окружая меня защитным коконом, и единственное, чего я сейчас хочу, – это сохранить мелодию в сердце и позволить ей звучать бесконечно.

Но потом вспоминаю, что все это может оказаться бессмысленной шуткой, и снова выхожу из себя.

Мои руки сжимаются в кулаки, и, прежде чем успеваю передумать, делаю шаг вперед и распахиваю дверь. К моему удивлению, она легко поддается.

Но разве она не должна быть заперта?

Это только укрепляет мое решение идти вперед. Если дверь не заперта, значит, ее, несомненно, кто-то открыл.

На входе меня встречает небольшая аркада.

Все вокруг погружено во тьму, и только лунный свет проникает сквозь богато украшенные витражи. Атмосфера невероятно завораживает, особенно пока в воздухе разливается мелодия.

– Тут есть кто-нибудь? – спрашиваю я, но громкая музыка заглушает мой голос.

Я медленно, шаг за шагом, продвигаюсь вперед, пока не достигаю нефа. В каждую сторону расходятся проходы. Внутри церковь с ее высокими сводами кажется просто огромной, хотя снаружи так и не скажешь.

Для такого городка она даже слишком велика, и я вдруг задаюсь вопросом, кто мог бы ее построить. Неужели богатый меценат?

По бокам расположены небольшие галереи с витражными окнами, сквозь которые проникает лунный свет.

В дальнем конце находится возвышение для хора, а в углу я замечаю орган, повернутый задней стороной к проходам.

Мелодия все еще разносится в воздухе – повторяется снова и снова. Но когда я добегаю до середины нефа, внезапно затихает.

Мои глаза расширяются. Подумав, что преступник увидел меня и готов сбежать, я бросаюсь к хорам.

Через несколько секунд оказываюсь рядом с органом, немного запыхавшись, и заворачиваю за угол.

– Поймала... – Я замолкаю, никого не обнаружив.

Более того, клавиши покрыты толстым ровным слоем пыли. Очевидно, их никто не касался долгое, долгое время.

– Что за... – шепчу я, начиная нервничать.

Но у меня нет времени на размышления. Краем глаза замечаю движение, а потом слышу, как по церкви разносится эхо шагов.

– Стой! – кричу я, полностью уверенная, что внутри кто-то есть.

Я направляюсь в сторону звука и снова достигаю главного входа. Дверь плотно закрыта, и когда открываю ее, по скрипу понимаю, что никто не выходил.

Что за...

Сердце громко бьется в груди, а мысли проносятся со скоростью света.

Кто это был?

Кто, черт возьми, это был?

Меня не волнует, что я прокливаю Дом Господень, пусть даже мысленно. Меня уже ничто не волнует, кроме всепоглощающего, неведомого прежде страха.

Если это правда розыгрыш, то он удался. Я в полном ужасе.

И беспокойство только нарастает, поэтому решаю покинуть странную церковь.

Ступив на узкую тропинку, ведущую обратно к дороге, я то и дело озираюсь по сторонам. И так усердно стараюсь избежать встречи с подозрительной личностью, что даже не замечаю, как врезаюсь в глухую стену.

– Что-о-о! – восклицаю я и отскакиваю назад, готовясь закричать так громко, чтобы услышал весь город.

– Тихе. – Резкий мужской голос проникает сквозь туман в моем сознании.

Но уже слишком поздно. Срабатывает инстинкт самосохранения, в памяти всплывают приемы из культового фильма «Семь самураев», и мой кулак летит в лицо мужчине прежде, чем я успеваю себя остановить.

С другой стороны, если он достигнет цели, значит, передо мной не призрак.

К сожалению, я не касаюсь его лица. Но не потому, что человек передо мной оказался бесплотным, а потому, что он накрывает мой сжатый кулак своей собственной рукой, не давая мне ударить его.

От шока у меня отвисает челюсть, и я могу только ошеломленно смотреть на него.

– Ты не призрак, – довольно глупо заявляю я.

Его губы изгибаются в улыбке, от которой у меня внутри все взрывается – от страха или от восхищения, точно не знаю.

Незнакомец немного выше меня, но даже в ночной тьме я могу разглядеть его темные волосы и пугающе светлые глаза – настолько светлые, что словно светятся в лунном сиянии. Он сложен как атлет и весь состоит из рельефных мускулов и твердых линий – неудивительно, что я почувствовала, будто врезалась в стену.

– Кто ты? – шепчу я. Мой кулак все еще зажат в его руке, и я отчетливо чувствую его прикосновение, отчего по спине пробегает колючая дрожь.

Прежде чем успеваю все хорошенько обдумать, я выдергиваю руку из хватки, не сводя с него глаз.

– Не призрак? – Незнакомец наклоняет голову и изучает меня с усмешкой, которая, должно быть, свела с ума не одну женщину.

– Ну... – Я прочищаю горло, прогоняя остатки страха. Потом касаюсь пальцем его очень, очень твердого живота и киваю сама себе. – Очевидно, не призрак.

Он все еще ухмыляется и снисходительно смотрит на меня.

Не желая выглядеть очарованной дурой, хоть я и впервые вижу столь прекрасного мужчину, я вздергиваю подбородок и встречаюсь с ним взглядом, приподняв бровь.

– Кто ты такой и что делаешь здесь ночью? Один? – прищурившись, спрашиваю я.

Пусть он и не призрак, но вполне может оказаться преступником. А мне нечем защититься.

Паника тут же охватывает меня, и я оглядываюсь в поисках потенциального оружия.

– Можешь ударить меня по голове металлическим прутом, – заявляет он, и его низкий протяжный голос ласкает мой слух. *Ласкает мой слух?* С каких это пор я стала такой поэтичной? Я, может, и учительница английского, но никогда не умела красиво говорить.

Просто у тебя не было музыки.

Игнорируя внутренний голосок, я выпрямляю спину и хватаюсь за железный прут, на который только что указал незнакомец.

– Именно так и сделаю, если сейчас же не представишься, – твердо говорю я, гордясь собой за то, что ни разу не запнулась.

Он смеется. Не успеваю опомниться, как он оказывается прямо передо мной. Настолько близко, что я чувствую его запах – дымчатый, таинственный аромат, который никак не могу распознать.

– Ты забавная, – говорит он тем же хрипловатым голосом.

Я сглатываю.

– И стану еще забавнее, когда вышибу тебе мозги, – заявляю я со всей уверенностью, на которую сейчас способна. Может, он и дьявольски красив, но красота – прикрытие для многих темных делишек. В конце концов, Люцифер тоже был воплощением совершенства.

Незнакомец снова улыбается, но на этот раз более открыто.

Затем наклоняется вперед, так что наши глаза оказываются на одном уровне, а его дыхание касается моих губ, и сверлит меня взглядом.

– Хейл, – наконец отвечает он. – Калеб Хейл.

Я смотрю на него, как мне кажется, целую вечность. И не сразу осознаю, что он только что назвал свое имя.

Он Хейл. Хейл... Значит, он...

– Ты живешь там? – спрашиваю я, указывая на величественное поместье на холме.

– Именно, – отвечает он, растягивая слова, и хищно улыбается. – А ты, я полагаю, новая хулиганка в нашем городе.

Я хмурюсь, озадаченная выбором слов.

– Хулиганка?

– Да, хулиганка. Та, кто сеет неприятности, – говорит он, словно зачитывает определение из словаря.

– Я не спрашивала, что это значит. Я спросила почему, – стиснув зубы, огрызаюсь я и направляю на него металлический прут. Терпеть не могу, когда мужчины принижают мой интеллект.

– А у котенка есть коготки, – смеется он, запрокинув голову. – Скоро ты все узнаешь, Дарси О'Салливан. В любом случае рад с тобой познакомиться.

Он ловко забирает у меня металлический прут, отбрасывает его в сторону и хватается мою ладонь, энергично пожимая ее. Я же не могу пошевелиться – просто смотрю на него, а его близость нервирует меня сильнее всего на свете.

– Добро пожаловать в Фейридейл.

Глава четвертая

Его голос эхом отдается у меня в ушах, пока я перебегаю дорогу, врываюсь в дом, захлопываю за собой дверь и убеждаюсь, что все замки надежно заперты.

Тяжело дыша, бегом поднимаюсь по лестнице в спальню, запираю и эту дверь тоже, но все равно не чувствую себя в безопасности.

Тело готово к бою – словно знает, что моя жизнь в опасности, хотя разум едва это осознает. И все же я не могу игнорировать противоречивые чувства, которые зарождаются во мне: ужас, страх... *желание?*

Я сглатываю, а живот неприятно скручивает.

Внезапно ноги несут меня к большому окну, выходящему на Старую Церковь.

Отодвигаю занавеску и выглядываю наружу.

Мои губы складываются в букву «О», когда я встречаюсь взглядом с ним.

С Калемом Хейлом.

Он стоит посреди дороги, запрокинув голову, и смотрит в мое окно – прямо на меня.

Я потрясенно распахиваю глаза. В бледном сиянии луны сложно что-то разглядеть, но я готова поклясться, что у него на губах снова играет усмешка.

Он просто стоит там. Наблюдает за мной. Знает, что я тоже смотрю на него.

Он медленно подносит руку ко лбу, словно отдавая шутливое приветствие. И за все это время его улыбка даже не дрогнула – она все такая же пугающая и манящая одновременно. Затем он поворачивается и уходит, направляясь по дороге к поместью.

Мое сердце бешено колотится в груди, и я наконец пригибаюсь – на несколько мгновений позже, чем нужно. Когда встретила с ним взглядом, меня словно околдовали. Приковали к месту так, что я не могла даже пошевелиться.

Именно в этом все дело. В Калебе Хейле есть что-то странно привлекательное. Нечто притягательное, грубое и необузданное. Настолько, что, даже несмотря на все мои подозрения, он сохранял некоторую власть надо мной, сбивал меня с толку своими медленными, обдуманными движениями и загадочными улыбками.

Только сейчас мой разум начинает проясняться.

И сразу возникает множество вопросов.

Какого черта произошло в Старой Церкви? Неужели это Калем играл на органе? Я уверена, что помимо меня в церкви находился кто-то еще. А поскольку Калем появился там почти в то же мгновение, само собой разумеется, что это был он.

Возможно, это все-таки глупый розыгрыш.

Возможно, в церкви есть потайная дверь и он воспользовался ею, чтобы напугать меня.

Что ж... ему это удалось. Я все еще дрожу от испуга.

Мало того, что он появился как нельзя более удачно, так еще и в манерах его сквозило нечто странное и необычное, пусть и тщательно скрытое за, надо признать, чертовски привлекательной внешностью.

Нет, не хочу больше думать о нем. Иначе он точно приснится мне в кошмарах.

Убедившись, что окно крепко закрыто на задвижку, я задергиваю шторы, чтобы никто не заглянул внутрь, и снова переодеваюсь в ночную рубашку. На этот раз, лежа в постели, я заставлю себя думать только о хорошем будущем.

Апрель 1789 г., Хавершем-хаус, Кент

Мама и папа снова ссорятся.

Обычно они редко находятся в одном и том же месте, чтобы иметь возможность действовать друг другу на нервы. Но с тех пор, как мы переехали в Хавершем, они не перестают спорить. И каждый раз их голоса эхом разносятся по всему дому.

– Миледи, вам следует уже быть в постели, – упрекает Мэри, моя служанка, когда замечает меня на верхней площадке лестницы.

– Но как? – шепотом спрашиваю я. – Никто не сможет спать спокойно, пока они не договорятся.

Мэри поджимает губы.

– Боюсь, это произойдет не скоро, – говорит она с легкой улыбкой.

Я тихо хихикаю.

Прислуга тоже знает, какими трудными могут быть мои родители, и старается не попадать под горячую руку.

Родители сошлись не по собственному желанию. Как я выяснила из сплетен, мама забеременела, и папе пришлось взять ее в жены. Тогда он был всего лишь третьим сыном и едва ли мог рассчитывать на наследство, поэтому вовсе не собирался жениться. И тем не менее мой дед приложил немало усилий, чтобы довести его до алтаря и заставить произнести клятвы. А то, что отец никогда не соблюдал их... Что ж, это уже другой вопрос.

Большинство людей думают, что я слишком молода и не понимаю, что происходит вокруг. Но как раз именно потому, что на меня не обращают внимания, я замечаю больше остальных.

Спустя несколько лет после моего рождения папа стал первым в очереди на наследование титула маркиза: его родные братья погибли, у отца неслабо пошатнулось здоровье, так что совсем скоро он стал маркизом Хавершемом.

Не могу точно сказать, когда именно начались измены: в то время или же сразу после свадьбы. Всем вокруг известно, что маркиз сам выбирает любовниц, а иногда даже не пытается скрывать свои похождения, приглашая девушек на светские мероприятия и выставляя их напоказ перед моей матерью.

И это одна из главных причин их ссор на протяжении многих лет.

Возможно, когда-то мама и была влюблена в него, но быстро избавилась от этого чувства, когда разглядела истинную натуру собственного мужа. Каждый раз, развлекаясь с новой любовницей, он не только публично ставил маму в неловкое положение, но и заставлял весь город судачить о ней.

Мэри пытается уговорить меня вернуться в свою комнату, но тут я слышу свое имя.

– Не вмешивай в это Элизабет! – кричит мама.

Быстро кивнув Мэри, я на цыпочках спускаюсь по лестнице и направляюсь в кабинет отца. Не желая оставаться в стороне на случай, если меня поймут, служанка тихо идет следом.

Дверь в кабинет слегка приоткрыта, а изнутри льется слишком яркий свет для столь позднего часа. С моего места видна только мама, и я невольно отмечаю, что ее лицо напряжено и испещрено глубокими морщинами.

– Она будет представлена ко двору меньше чем через месяц. Если ты сделаешь это... то разрушишь ее будущее, – сквозь стиснутые зубы произносит Фиона, маркиза Хавершем.

– Разрушу ее будущее? – сердито повторяет мой отец Уильям. – Я обеспечиваю ее будущее! Думаешь, кто-то еще захочет жениться на ней? Она чертовски безумна, Фиона!

Я едва сдерживаю вздох. Меня в не первый раз так называют, но я никогда не слышала, чтобы папа тоже произносил это слово вслух. И даже несмотря на наши натянутые отношения, оно причиняет боль.

– Она не безумна, и ты это знаешь. – Фиона тыкает в него пальцем. – Она просто... другая.

– Если бы мы приплачивали слугам за молчание, всей округе стало бы известно, насколько она *другая*, – она разговаривает с животными, как чертова сумасшедшая, в конце концов!

– И поэтому ты решил, что Клиффорд хороший вариант? Ему сорок, а ей семнадцать. Ради всего святого, он же свинья!

– Но очень богатая свинья, Фиона, – нетерпеливо вздыхает Уильям. – Он уже видел ее и готов взять в жены. Ему нужен только наследник, и больше он не будет ее беспокоить.

– То есть запрет ее в какой-нибудь деревне, как ты планировал поступить со мной?

– Не приплетай сюда свои личные обиды. Рано или поздно Элизабет все равно пришлось бы выйти замуж. Я просто подыскал ей подходящую партию пораньше, – говорит отец как ни в чем не бывало.

Я застываю у двери, постепенно осознавая, о чем идет речь.

Отец хочет выдать меня замуж. За лорда Клиффорда.

– Клянусь богом, Уильям, если ты пойдешь на это... если посмеешь отдать мою драгоценную дочку этому сифилисному ублюдку, я тебя выпотрошу. Самолично выпущу кишки, и плевать, если меня отправят на виселицу.

Ноздри отца раздуваются от гнева, и он шагает в сторону матери. Я боюсь, что он собирается ударить ее. Но вместо того, чтобы съезжиться, мама смотрит ему прямо в глаза, только сильнее провоцируя его.

Я моргаю от потрясения, наблюдая за происходящим.

Отец заносит руку для удара, но обрушивает его на полку рядом.

– Она выходит замуж за Клиффорда, и это мое последнее слово. Он придет на бал в выходные. После двух недель ухаживаний будет объявлено о помолвке. И это не обсуждается, Фиона. Даже не вздумай ослушаться меня, иначе пожалеешь.

– Разве могу я жалеть о чем-то сильнее, чем о браке с тобой?

Уильям сухо усмехается.

– Посмотрим, будешь ли ты так же решительно настроена, когда Ричард вернется домой из Итона.

Из своего укрытия я хорошо вижу отца, и в этот момент он воплощает собой чистейшее зло, когда улыбается матери.

Несмотря на ее упрямство и решительность, если он угрожает ей Ричардом... не знаю, будет ли она так же охотно поддерживать меня дальше.

Услышав все, что мне было нужно, молча тащусь обратно в спальню.

Я всегда знала, что именно отец будет принимать решение о моем браке. Но не думала, что все случится так быстро – и так неудачно.

Он не позволит мне дебютировать при дворе, потому что думает, что я поставлю его в неловкое положение. И вместо этого решил просто избавиться от меня при первой же возможности.

Той ночью мне хотелось плакать. Но слез не было.

Первый день приема уже в самом разгаре; приглашенные гости прибыли еще после полудня, и вскоре шумное веселье захватило весь дом. Обычно мне не разрешают присутствовать на вечерних торжествах, поскольку я еще не дебютировала официально, однако сегодня отец велел позволить лорду Клиффорду проводить со мной время в течение дня.

Я не стала спорить с ним – знала, что ничего хорошего из этого не выйдет. Особенно после того, как увидела, как тяжело вся эта ситуация сказывается на матери.

Возможно, она не знает, что я подслушивала разговор в кабинете, но я постоянно замечаю усталость на ее лице и то, что Дороти, ее камеристка, послала слугу за настойкой и особым сбором сонных трав.

Мама плохо спит, скорее всего, именно из-за появления лорда Клиффорда.

– Пожалуйста, передумайте, миледи, – пытается урезонить меня Мэри, когда я надеваю самую темную одежду из имеющейся, чтобы стать как можно незаметнее.

– Мне нужно увидеть все собственными глазами, Мэри. Я хочу увидеть этого лорда Клиффорда и понять, почему мама так взволнована из-за моего скорого замужества с ним.

Я не говорю, как мне страшно. Мама не стала бы противиться этому браку без веской причины. Насколько я помню, лорд Клиффорд пару раз приезжал в Хавершем и встречался с моим отцом, но я видела его только мельком и издалека и никогда не обращала на него особого внимания – не было на то причин.

По правде говоря, я не хочу ни за кого выходить замуж.

Я довольна своей жизнью и своими животными. Ну и что с того, что все думают, будто я сошла с ума? Будь у меня маленький коттедж где-нибудь у леса, я бы вела спокойную жизнь, радуясь, что меня все оставили в покое.

– Но если вас поймают...

– Не поймают, – заверяю ее. – Пожалуйста, не волнуйся так. Если кто-нибудь заглянет ко мне, скажи, что я уже сплю, – наставляю Мэри, указывая на подушки, которые заранее подложила под простыню так, чтобы напоминали человеческий силуэт.

Мэри наконец соглашается помочь мне, и я пользуюсь дверью для прислуги, чтобы выскользнуть из комнаты, спуститься по лестнице, а затем выйти из дома и направиться к главной лужайке.

Бал состоится только через два дня, но каждый вечер устраиваются званые вечера для гостей.

Мэри ранее уже высмотрела лорда Клиффорда в толпе и описала мне его внешность и наряд. На нем жилет темно-сливового оттенка, который должен помочь мне его опознать.

Как и сказала ей, я всего лишь хочу своими глазами увидеть мужчину, за которого должна буду выйти замуж. Может, это врожденное любопытство, а может, и нечто большее – последний толчок, прежде чем предпринимать что-то радикальное. На самом деле настолько радикальное, что я буду опорочена в глазах всего общества.

Большинство гостей уже собралось в гостиной, чьи распахнутые двойные двери ведут прямо в сад. К счастью, отец тратит немалые деньги на садовника, чтобы тот тщательно следил за деревьями и придавал им необычные формы. И они служат мне укрытием, помогая оставаться незамеченной, пока я продвигаюсь по саду.

Тут довольно темно.

Садовая дорожка освещена множеством свечей, как и внутренняя часть дома, но все остальное погружено в темноту.

Как только добираюсь до нужного места, мне открывается беспрепятственный вид на гостиную. Ищу глазами жилет сливового цвета, но не сразу могу его разглядеть. Только через несколько минут в поле моего зрения появляется лорд Клиффорд.

Он... именно такой, как описывала Мэри. Сальные седеющие волосы, покрытое высыпаниями и рубцами лицо. Даже со своего места – в доброй дюжине шагов от стеклянных дверей – я замечаю эти красные пятна, отчетливо выделяющиеся на белой коже.

Я с трудом сглатываю, и горло раздрает такая боль, словно я проглотила осколки стекла.

Слова матери эхом отдаются в ушах.

Сифилисный.

Может, я и невинна, но благодаря бесстыдным романам отца и его пристрастия к дамам легкого поведения я достаточно слышала термин «сифилис», чтобы понять: им можно заразиться, если общаться с проститутками.

К горлу подкатывает желчь, и я едва сдерживаюсь, чтобы не опорожнить желудок прямо там, в саду.

И *это* должно стать моим мужем? Мужем, который заполучит все права на мою личность, на мое тело? Который будет... прикасаться ко мне?

Яростно покачав головой, я отступаю назад.

Любопытство удовлетворено, и я не уверена, хорошо это или плохо. Но одно знаю точно: я скорее умру, чем позволю этому человеку прикоснуться ко мне хоть пальцем.

Я уже почти дохожу до входа для прислуги, когда слышу тихое мяуканье.

Обернувшись, замечаю маленький меховой комочек рядом с одним из ненавистных деревьев отца.

– Кто это тут у нас? – бормочу я, тут же позабыв о своем побеге.

Опускаюсь на колени и хлопаю руками по бедрам, подзывая котенка к себе. Он снова мяукает, а его глаза вспыхивают красным. И все же он решает довериться мне и делает несколько шагов вперед, оказываясь рядом со мной.

Я не трогаю его, давая ему время обнюхать меня и привыкнуть к моему присутствию.

Он весь черный, с небольшим белым пятнышком на макушке – единственное, что можно разглядеть в ночной темноте.

Котенок трется головой о мое колено, и мои губы растягиваются в улыбке.

Еще одно мяуканье, и я понимаю, что так он просит прикоснуться к нему.

Кладу ладонь на его маленькую головку и начинаю медленно поглаживать.

– Такой хорошенький, – шепчу я, уже придумывая, как оставить его у себя.

Отец ненавидит животных и постоянно запрещает мне проводить с ними время. Боится, что кто-то увидит, как я с ними общаюсь, и придет к тому же выводу, что и он, – что я ненормальная, раз разговариваю с животными так, будто в самом деле ожидаю услышать ответ.

– Но ты ведь понимаешь меня? И если бы мог ответить, то сказал бы мне, что тебе нравятся мои ласки, правда? – тихо воркую я, слушая его ответное мяуканье.

– Он интересуется, есть ли у тебя еда, – внезапно раздается мужской голос, пугая меня. Мои глаза расширяются, я теряю равновесие и падаю на землю.

– Кто здесь? Покажись! – немедленно требую я. При мысли о том, что новость о моей выходке достигнет отца, в груди зарождается страх.

Из-за дерева выходит фигура, окутанная тенью. Сначала я не могу разглядеть его, но потом незнакомец делает еще один шаг, и я в восхищении приоткрываю рот.

– Прошу прощения, миледи. – Он отвечает мне официальный поклон, а я так и продолжаю стоять, не в силах пошевелиться. Мои глаза прикованы к его фигуре и самым странным чертам лица, которые я когда-либо видела. И все же странность эта вовсе не отталкивает; она необычна, уникальна и по-настоящему завораживает.

Незнакомец одет во все черное, отказавшись от любых ярких цветов, которые бы понравились другим. Но его наряд контрастирует с его волосами – почти белыми и более длинными, чем позволяет современная мода. С такого расстояния я не могу разглядеть цвет его глаз, но они, кажется, светло-голубые.

Чем дольше я смотрю на него, тем красивее он становится.

– Кто вы такой? – шепотом спрашиваю я, с трудом собравшись с мыслями.

Хотя я не ношу корсета, дыхание у меня спирает так, словно на спине старательно затянута шнуровка. Пульс учащается, и я чувствую, как жар разливается по щекам, несомненно окрашивая их в бордовый цвет. Я мысленно благодарю покров тьмы, иначе незнакомец бы увидел, как меня взволновало его присутствие.

– Мне пора, – внезапно бормочу я. – Девушке неприлично оставаться наедине с джентльменом, – оправдываюсь я, поднимаясь на ноги. И все же не могу найти в себе силы уйти. Мистер Мяу отстает, поэтому я беру его на руки и поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Откуда ты знаешь? – внезапно спрашивает незнакомец, подходя ближе.

Я замираю как вкопанная.

– Что я джентльмен, – добавляет он с намеком на улыбку в голосе.

Слегка поворачиваю голову, и уголки моих губ приподнимаются.

– Значит, это еще одна причина, по которой мне неприлично оставаться с тобой наедине.

– Хм... А ты всегда ведешь себя прилично?

Я моргаю, сбита с толку его вопросом.

Мистер Мясю начинает вырываться из моих объятий, впиваясь когтями в руку.

Тихонько взвизгнув, я отпускаю его и смотрю, как он уносится в темноту ночи.

– Это все твоя вина. – Смерив незнакомца суровым взглядом, я подхожу ближе. – Ты напугал Мистера Мясю, – обвиняю я.

Хотя, если быть до конца честной, я не смогла выдумать лучшего предлога, чтобы приблизиться к нему и хорошенько разглядеть. Как я и предполагала, в чертах его лица... таится что-то потустороннее.

Точеные скулы, прямой аристократический нос, светло-голубые глаза, которые смотрят на меня так, словно могут заглянуть прямо в душу.

– Мистер Мясю? – Он приподнимает бровь, и прядь белых волос спадает ему на лоб. Именно тогда я осознаю сразу несколько вещей. Его волосы не напудрены, и он не носит парика. Нет, они белоснежные от природы, хотя на вид ему не больше тридцати.

Когда я ничего не отвечаю, незнакомец усмехается.

– Так ты намекаешь, что не всегда ведешь себя прилично? Тот, кто резвится посреди ночи с бродячими котами, едва ли считается порядочным, – весело бормочет он, не отрывая от меня глаз.

– Какая тебе разница, порядочная я или нет? Ты так и не ответил на мой вопрос. Кто ты?

– А кем ты хочешь, чтобы я был, *chérie*?⁵ Скажи, и, быть может, я воплощу твое желание в жизнь. – Растягивая слова, он подносит руку к моему лицу и проводит пальцами по коже.

– Ты ведешь себя довольно самонадеянно, *mon cher*⁶, – сузив глаза, парирую я.

Он вполне может оказаться повесой, который отправился в сад на свидание, но вместо своей невесты наткнулся на меня.

– Ты ошибаешься, – внезапно произносит он и приподнимает мой подбородок, заглядывая мне в глаза. – Я здесь не ради кого-то еще. – Он улыбается, обнажая белые, почти хищные зубы.

– Как... как ты узнал?

– Ты позвала меня. – Он наклоняется и шепчет мне на ухо: – Твоя душа зывала ко мне. Так загадай же свое желание. Чего ты хочешь, моя Лиззи?

От удивления приоткрываю губы. Прежде он уже называл меня *chérie*, но это ласковое обращение почему-то кажется гораздо более интимным. Гораздо более... соблазнительным.

– О чем ты? – Я прочищаю горло, изо всех сил стараясь не поддаться завораживающему эффекту, который оказывает на меня его глубокий, хриловатый голос.

– Ты позвала, я пришел, – говорит он. Его дыхание ласкает мое ухо, его тепло проникает под кожу, но он больше не прикасается ко мне. Его тело не соприкасается с моим, но я безумно этого желаю.

– Ты сумасшедший, – обвиняю его, хотя именно я, похоже, страдаю от этого недуга.

– Разве не все мы немного сумасшедшие, моя Лиззи? – Он отстраняется и улыбается мне нежной улыбкой, омраченной глубокой печалью. – Но что, если наше безумие совпадает? – спрашивает он, заставляя меня замолчать.

---

⁵ Дорогая (*фр.*).

⁶ Мой дорогой (*фр.*).

Время словно остановилась, пока я тонула в глазах очаровательного незнакомца, а мое прерывистое дыхание смешивалось с его. Меня охватывает острое чувство дежавю, будто наша встреча происходила уже тысячу раз – всегда с разницей в вечность, всегда с задержкой.

Но чары рассеиваются, когда ночную тишину наполняют возгласы, за которыми следует еще больше шума – это гости с вечеринки устремляются в сад. Я знаю, что если меня застукают с незнакомцем, то это обернется настоящей катастрофой, поэтому отступаю на шаг и слегка покачиваю головой.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Шаг. Еще один. Я пытаюсь увеличить дистанцию и продолжаю пятиться, не в силах отвернуться, – сама мысль о том, что я больше его не увижу, кажется невыносимой.

Он просто улыбается, наблюдая за мной до тех пор, пока я не распахиваю дверь, не врываюсь в дом и не взбегаю вверх по лестнице к своей комнате.

Только скрывшись от его взгляда, я резко выдыхаю и чувствую, как тело сотрясает дрожь, а сердце едва не разрывается в груди.

– Кто это был? – шепчу себе под нос, даже не замечая, куда иду. Я никогда в жизни не встречала человека, который бы так сильно повлиял на меня – вызвал желание убежать и в то же время приблизиться.

Однако я доверяю своим инстинктам. И плохого предчувствия достаточно, чтобы заставить меня держаться на расстоянии – если, конечно, увижу его снова.

Но почему мне так грустно от мысли, что я никогда больше его не увижу?

Резко встряхнувшись, я начинаю подниматься по неосвещенной лестнице. Должно быть, все слуги прислуживают на вечере и забыли зажечь свечи на ней. Я медленно иду вверх, держась одной рукой за стену и нащупывая ступени в темноте.

Не успеваю я достигнуть вершины лестницы, как вдруг оказываюсь распластанной на полу, а чья-то рука тянет меня за лодыжку.

– Отпусти! – Я пинаю его свободной ногой и поворачиваюсь на спину, чтобы занять более устойчивое положение.

– Гребаная шалава! – Слова, полные злости, застают меня врасплох. – Мне обещали невесту-девственницу, а не шалаву, раздвигающую перед всеми ноги, – выплевывает он и, притянув меня ближе к себе, отвешивает пощечину, от которой моя голова дергается вбок. – Думаешь, я не видел, как ты подглядывала за мной снаружи? Что, хотела потрахаться? Так я это быстро устрою.

Несмотря на темноту, я понимаю, что это лорд Клиффорд, и страх наполняет меня до краев.

Продолжаю отбиваться, нанося удары и пинаясь изо всех сил, чтобы освободиться из его хватки. Когда у меня ничего не получается, я пытаюсь позвать на помощь, но успеваю лишь вскрикнуть, как его вонючая ладонь закрывает мне рот.

Одной рукой Клиффорд прижимает меня к полу, а другой шарит по моему телу, отыскивая подол платья и пытаясь задрать его.

Неведомая прежде паника охватывает меня, слезы застилают глаза. Как бы я ни старалась, ничего не помогает.

Совсем ничего.

И если так пойдет...

Нет.

Он не может прикоснуться ко мне. Не может...

Помоги.

Одно едва произнесенное слово, одна слезинка, стекающая по щеке.

И вот лорд Клиффорд, который сражался с моим платьем, внезапно замирает на мне и густая, вязкая жидкость покрывает мое лицо и грудь.

Секундой позже вспыхивает свет, освещая весь коридор.

Я быстро моргаю, не в силах пошевелиться, когда вижу перед собой мерзкое выражение лица лорда Клиффорда, которое застыло навсегда. У него на шее зияющая рана, из которой продолжает хлестать кровь.

В этот момент я осознаю, что меня тоже покрывает... кровь.

А лорд Клиффорд мертв.

Задыхаясь, я поднимаю взгляд и – потрясенная, но почему-то не удивленная – замечаю своего незнакомца. В правой руке он держит маленькую свечу, с левой капает кровь лорда Клиффорда, но оружия нигде не видно.

Как он...

Я смотрю на него и, кажется, не могу обрести дара речи. Может, я слишком громко кричала, хотя никто не слышал. Или, может быть... может быть, он услышал.

– Сможешь идти тихо? – спрашивает он суровым тоном.

Не знаю как, но я нахожу в себе силы кивнуть. Возможно, еще не оправилась от шока.

Или все это ночной кошмар и я вот-вот проснусь.

– Идем. – Он стаскивает с меня мертвое тело, отбрасывая его в сторону, и протягивает мне руку без перчатки. – Быстрее! – рявкает он, а потом нетерпеливо отрывает меня от пола и прижимает к своей груди. Не говоря ни слова, ловко ведет нас по лестнице для прислуги, пока не достигает моей комнаты. Я не представляю, как он угадал, какая из дверей моя. Но не спрашиваю об этом. Сейчас я не в состоянии логически мыслить, поэтому решаю подумать об этом позже.

Закрыв за нами дверь, мой незнакомец кладет меня на кровать и запирает обе двери.

Я едва осознаю, что происходит. Внезапно чувствую прикосновение влажной ткани к щеке, когда он начинает осторожно стирать кровь.

– С тобой все в порядке? – спрашивает он – мужчина с белоснежными волосами и голубыми-преголубыми глазами.

Я моргаю, борясь со слезами. Боже милостивый, меня чуть не изнасиловали.

И если бы не мужчина передо мной, меня бы точно изнасиловали.

– Спасибо, – шепчу я охрипшим от криков голосом.

Не знаю, как он догадался, и, честно говоря, мне все равно.

Я просто рада, что он пришел – что спас меня.

– Спасибо, – повторяю я и накрываю его руку своей, останавливая движения.

В его глазах отражается тревога, столько беспокойства за незнакомую девушку! Но если он смотрит на меня так, словно моя боль – его боль, то, может, я ему вовсе не чужая. Может...

– Ты никогда не должна благодарить меня, моя Лиззи. – Он слегка качает головой. – Я должен был прийти раньше. Я бы пришел раньше, но...

– Ты появился как раз вовремя, – перебиваю его. – Ты спас меня, а это главное, – говорю я и начинаю рыдать, не в состоянии больше притворяться сильной.

– Тише, – шепчет он и заключает меня в объятия, медленно покачиваясь вместе со мной. – Я всегда буду спасать тебя, моя Лиззи, – выдыхает мне в волосы и прижимает к своей груди так сильно, что я едва могу дышать.

Но я не протестую.

Напротив, наслаждаюсь его близостью, его теплом, которое оказывает на меня чудесное воздействие, даруя чувство комфорта и защищенности, а такого я никогда прежде не испытывала.

Если раньше я опасалась его, то сейчас хочу лишь растаять в его объятиях, слиться с ним кожей, чтобы больше не расставаться, всегда оставаться в безопасности рядом с ним.

Когда я немного успокаиваюсь, незнакомец снова начинает смывать кровь с моего тела, а потом приказывает избавиться от одежды.

– Нужно уничтожить все улики, – говорит он и снимает жилет.

Заметив мое колебание, устанавливает ширму, чтобы дать мне немного уединения.

Я повинуюсь; быстро сбрасываю испачканную одежду и натягиваю ночную рубашку.

Когда передаю ему вещи, он складывает их в самодельный мешок.

– Ты хотя бы скажешь мне свое имя? – спрашиваю я, внезапно испугавшись, что больше его не увижу.

Он криво улыбается мне.

– Мы обязательно увидимся, – говорит он, уже не в первый раз читая мои мысли.

Я медленно киваю, не в силах отвести от него взгляда.

Почему я считала его опасным? Глядя на него сейчас, я хочу лишь взять его за руку и никогда не отпустить.

В мгновение ока он оказывается передо мной.

– Все мое время, – шепчет он, поглаживая мою щеку костяшками пальцев. – Скоро, моя милая Лиззи. Скоро ты станешь целиком и полностью моей.

Я облизываю губы, теряясь в бездне его глаз. На кончике языка снова вертится вопрос. Но не успеваю даже подумать о нем, как незнакомец заговаривает.

– Амон. Амон д'Артан, – отвечает он на невысказанный вопрос, и в его голосе звучит нежность.

Улыбка появляется на моих губах. Но стоит мне моргнуть, как незнакомец исчезает.

Словно его никогда и не было...

Я оглядываю комнату, широко раскрыв глаза.

– Амон? – зову его, но мне отвечает лишь слабое эхо.

Двери по-прежнему закрыты. Окна нетронуты.

Он словно растворился в воздухе.

Но я не успеваю обдумать случившееся, потому что мое внимание привлекает громкий шум. Быстро накинув халат, открываю дверь и вижу толпу слуг, снующих вверх и вниз по лестнице. Несколько секунд спустя замечаю Мэри.

– Миледи! – кричит она, тут же бросаясь ко мне.

Я растерянно моргаю, и на мгновение мне становится страшно, что они нашли тело лорда Клиффорда и теперь идут за мной, что меня повесят за убийство и...

– Он мертв, – сообщает Мэри, и я замираю на месте. – Ваш отец мертв, – сокрушается она и начинает рассказывать, что его нашли в кабинете без сознания. Они полагают, что у него случился сердечный приступ.

Мэри продолжает болтать, а я просто киваю, потому что в голове у меня только один вопрос.

Амон... Неужели он...

Август 1955 г., Фейридейл, Массачусетс

Я резко сажусь в постели, чувствуя, как по лицу стекает пот, грудь сжимается, а с губ срываются резкие и прерывистые вдохи. Я дико озираюсь по сторонам, и мне кажется, что стены комнаты смыкаются вокруг меня, словно грозясь задушить.

Сон... Он казался таким реальным. Все в нем – от одежды до зданий и слов людей – моих слов.

С бешено колотящимся сердцем я пытаюсь понять, что происходит.

Впервые я погрузилась в сон так глубоко, впервые так отчетливо воспринимала каждую мелочь.

Смахнув пот с лица, опускаю взгляд на свои руки и почти ожидаю увидеть кровь. Даже сейчас чувствую ее тепло на коже и *его* нежное прикосновение, когда он стирал алые пятна.

Амон...

Как, во имя всего святого, мое воображение смогло нарисовать кого-то похожего на него? Кого-то настолько... странного, но в то же время знакомого. Кого-то, кто одновременно вселяет страх и чувство безопасности, подобного которому я никогда раньше не испытывала.

Всю свою жизнь я полагалась только на себя. И хотя рядом есть близкие люди, я всегда знала, что в критических ситуациях могу рассчитывать только на себя. Всегда считала себя сильной и неуязвимой для одиночества. Да, в глубине души я чего-то желала – чего-то невыразимого, – но отмахивалась от этого, боясь разочароваться.

И все же его объятия... его руки на моем теле... казалось, он проник в мое сердце, нашел единственную слабость и использовал ее против меня. Потому что он не просто обнял меня. Он подарил тепло и нежность вместе с обжигающим жаром, которые наводили на мысли только об одном.

О доме.

В его объятиях я чувствовала себя как дома.

Но дело в том, что... раньше у меня никогда не было дома.

Закрыв глаза, я пытаюсь мысленно воссоздать его образ. Но теперь, когда я не сплю, черты его лица затенены, почти размыты. И все же ощущения остаются – все, что он пробудил во мне одним прикосновением.

По телу бегут мурашки, а лицо заливается краской от осознания.

Мне снился мужчина. Несомненно, очень привлекательный мужчина.

Который, казалось, тоже был неравнодушен ко мне.

Я смущенно закрываю глаза, а потом заставляю себя встать с постели и пойти в ванную, чтобы подготовиться к предстоящему дню.

Умываясь, я смотрю на свое отражение в зеркале, изучаю черты лица, гадая, что он увидел во мне.

Темные волосы, бледная кожа, темно-синие глаза.

Я довольно симпатичная, но не из тех, кто пробуждает в мужчинах страсть.

Но затем, словно вспышка молнии, в голове пронесется воспоминание о встрече с Калебом Хейлом прошлой ночью. Все словно встает на свои места, и я не могу не задаться вопросом, не был ли этот сон реакцией на него. На мужчину, привлекательнее которого я в жизни не встречала. И хотя мне не хочется признаваться в этом даже себе, правда в том, что он произвел на меня сильное впечатление.

Он потряс меня. А это волнение, которое я испытала? Это была моя физическая реакция на него.

Но в то же время эти двое мужчин разительно отличаются друг от друга. В присутствии Калеба меня одолевало беспокойство, с Амоном я обрела величайший покой.

– Возьми себя в руки, Дарси, – бормочу я, хлопая себя по щекам.

Я здесь не для того, чтобы интересоваться сердечными делами – или любыми другими, если уж на то пошло. Мое пребывание в Фейридейле ограничено, и нужно помнить о цели. Нельзя позволять какому-то симпатичному личику отвлечь меня от нее. Особенно тому, кто назвал меня хулиганкой и был довольно напорист, что заставляет меня задуматься о том, а не узнал ли о моем приезде уже весь город.

Именно поэтому мне нужно быть настороже. Я уже заметила скрытую враждебность Пирсов и думаю, не одни они негативно отреагируют на появление незнакомки в их городе.

Закончив утренние сборы, я одеваюсь и готовлюсь к похоронам. Грейс одолжила мне черное платье, которое отлично должно подойти для такого случая.

Смотрю на наручные часы и понимаю, что до приезда мистера Воана еще есть время. Любопытство снова берет надо мной верх, и я решаю еще раз осмотреть Старую Церковь.

Выйдя из дома, я запираю дверь и перехожу дорогу.

При дневном свете церковь выглядит не так зловеще, и я люблю готической архитектурой и витражными стеклами.

Приблизившись к главному входу, я пытаюсь открыть дверь, но та не поддается.

Нахмурившись, пробую снова. И снова. Но все бесполезно.

Дверь заперта.

– Но вчера она была открыта. – Я растерянно моргаю. Осмотревшись по сторонам, закидываю сумочку на плечо и обхожу церковь, пытаюсь отыскать потайную дверь, которую Калев мог бы использовать, чтобы подшутить надо мной.

Но, обойдя здание дважды, не нахожу никакого другого входа.

Сбитая с толку, смотрю на старое здание и уже не в первый раз чувствую, что разум играет со мной злую шутку.

– Я что, схожу с ума? – тихо бормочу себе под нос.

И все же я отчетливо помню прошлую ночь. Дверь была открыта, и кто-то играл Баха на органе. Затем раздался шаг, а я наткнулась на Калеба.

Я так глубоко погружаюсь в размышления, что даже вздрагиваю, когда из-за угла церкви доносится мяуканье. За несколько шагов оказываюсь перед котом – черным котом с пучком белой шерсти на груди.

Я застываю на месте, а мои мысли возвращаются ко сну и котенку из него. Они практически одинаковые.

Но прежде, чем успеваю подойти ближе к нему, раздается голос мистера Воана:

– Мисс Дарси! Что вы здесь делаете, черт возьми? – восклицает он, направляясь ко мне.

– Я услышала мяуканье кота и...

– Какого кота? – спрашивает он, приблизившись, но когда я указываю на маленький комочек черной шерсти, то понимаю, что его уже нет.

– Наверное, убежал, – в смятении шепчу я.

– Идемте, нужно прибыть на похороны вовремя.

– Подождите! У кого-нибудь есть ключ от церкви? – внезапно спрашиваю я.

– Ключ от церкви? – Он хмурится. – Ключа от церкви не существует.

– То есть как?

– Ее заперли после эпидемии. Единственный способ попасть в нее – взорвать дверь, – объясняет он, явно сбитый с толку моим вопросом.

– Но... Вы уверены? Ночью я слышала звуки органа, а когда пошла проверить...

Мистер Воан раздраженно вздыхает, а затем подходит к двери и, взявшись за ручку, дергает за нее изо всех сил.

Та, как и прежде, не поддается.

– Но... Этого не может быть, – бормочу я, удивленно таращась на запечатанную дверь.

– Должно быть, вам все приснилось, мисс Дарси, – хрипло произносит он, не глядя на меня.

– Неправда! – протестую я. Как он смеет говорить, что мне это приснилось, когда я собственными глазами все видела, слышала мелодию?

– Калев Хейл тоже был там. Он сможет подтвердить, – заявляю я, гордо вздергивая подбородок.

Но реакция мистера Воана совсем не такая, как я ожидала.

Его губы растягиваются в коварной усмешке, и он громко смеется.

– Калев Хейл? – Его веселье только нарастает, особенно когда я в замешательстве поднимаю брови.

– Он не в ладах с головой, мисс Дарси. С тех пор как вернулся с Корейской войны. Хотите совет? Держитесь от него подальше. От него одни неприятности.

Но...

Но мистер Воан уже поворачивается ко мне спиной и направляется к припаркованной на обочине машине, тем самым заканчивая наш разговор.

А я остаюсь в еще большем замешательстве, чем раньше.

Глава пятая

– На похоронах будут и другие горожане, – предупреждает меня мистер Воан, пока мы идем на кладбище. – Я бы советовал вам не слишком откровенничать с окружающими. Некоторые плохо относятся к приезжим.

– Значит, я должна всех игнорировать? – растерянно спрашиваю я.

– Именно. Чем меньше вы общаетесь, тем лучше для вас. Особенно если дело касается Хейлов. Советую держаться от них подальше.

– Но вы сказали, что только у Калеба есть... проблемы. При чем тогда остальные?

В зеркале заднего вида я вижу, как его губы сжимаются в тонкую линию, а на лице появляется суровое выражение.

– Они были конкурентами по бизнесу вашего отца. Пирсы и Хейлы грызлись друг с другом на протяжении многих поколений. – Мистер Воан делает паузу, оглядываясь на меня. – Я бы не стал исключать того, что они попытаются использовать вас для мести Пирсам.

Я медленно киваю, хотя сомнения остаются, как и странное ощущение, что все не то, чем кажется, особенно когда речь заходит о Пирсах и мистере Воане.

– Есть еще кто-то, с кем мне не следует говорить? – с сарказмом спрашиваю я.

– На самом деле да, – отвечает он, удивляя меня. – Семья Бейли, они дружат с Хейлами. – Затем перечисляет всех остальных, с кем мне лучше не общаться, а в конце снова предупреждает о Калебе Хейле.

Я едва не закатываю глаза, но тут мистер Воан добавляет:

– И еще кое-что. Не рассказывайте никому эти глупости о церкви. Последнее, чего мы хотим, – это чтобы ваши суждения подвергали сомнению, – ворчит он, а я могу думать лишь о том, что меня намеренно поселили в доме у черта на куличках, прямо через дорогу от церкви, где предположительно были захоронены жертвы чумы.

У меня по спине бегут мурашки.

Неужели я в самом деле все выдумала? Нет. Я отказываюсь в это верить.

И, несмотря на предупреждения мистера Воана, решаю все же допросить Калеба Хейла. По крайней мере, он должен быть в состоянии сказать мне, что я не схожу с ума – если, конечно, не такой же сумасшедший, как я.

Мистер Воан продолжает читать мне лекцию о том, что можно и чего нельзя делать в городе, словно одно мое присутствие угрожает всему существованию Фейридейла.

К тому времени, как мы достигаем кладбища, мне хочется лишь вернуться домой и проспать весь день – может быть, мне снова приснится Амон. Если бы только он мог спасти меня от этого ужасного дня так же, как спас от того омерзительного мужчины... Я представляю, как он появляется передо мной и мы вместе исчезаем с похорон, как во сне.

При мысли об этом у меня вырывается тихий смешок, и мистер Воан бросает на меня суровый взгляд.

– Вам также не следует смеяться на похоронах. Это было бы дурным тоном, понимаете ли, – говорит он совершенно серьезным тоном.

– Конечно. – Я прочищаю горло, выхожу из машины и сосредотачиваюсь на происходящем.

Осталось пережить самое худшее. После похорон мне нужно будет присутствовать только на оглашении завещания, а потом я смогу уехать.

Дом...

По спине пробегает холодок. А где же он, мой дом?

Но я не успеваю погрузиться в мысли, потому что мистер Воан уже ведет меня через ворота к маленькой часовне, расположенной в дальней части кладбища. Слева и справа от нас

тянутся неприметные могилы, и я стараюсь не обращать внимания на то, что мы находимся среди множества мертвецов.

Но уже рассвело. Да и привидений не существует.

Не будь Кэтрин, Дарси!

И все же чем больше времени провожу в этом городке, тем сильнее начинаю вести себя как она и видеть в каждой мелочи что-то подозрительное, что-то потустороннее.

Даже после случившегося в детстве я никогда особо не верила в сверхъестественное. Да и как можно в него верить, если мы живем в век научного прогресса, когда рукотворное творение способно стереть с лица земли целый город, а может быть, даже страну?

Когда мы подходим к часовне, я замечаю, что все уже собрались.

Священник обходит закрытый гроб, стоящий перед дверями.

Семья Пирс рядом с ним. Август в центре, а его мать и сестра по бокам.

И слева, и справа от них стоят люди, которых я раньше не видела. Подобное разделение мне кажется странным, и я спрашиваю об этом мистера Воана.

Он явно мной недоволен. Мужчина, который встретил меня на вокзале, практически исчез. Его лицо постепенно становилось все мрачнее и мрачнее, а теперь он даже не пытается мне улыбаться. И все чаще смотрит на меня суровым взглядом, прямо как и сейчас.

– Какая разница? Как я уже говорил, некоторые семьи конфликтуют с другими. Просто держитесь нас, и все будет хорошо, – говорит мистер Воан, и по его тону я понимаю, что на этом разговор окончен.

Вздыхнув, следую за ним, и он подводит меня почти вплотную к семье. Грейс бросает на меня воинственный взгляд. На лице Августа натянутая улыбка, а Вики едва замечает мое присутствие.

Грейс пристально смотрит на меня, прожигая во мне дыру. Но когда я ловлю ее взгляд, она, к моему удивлению, одаряет меня широкой, почти приветливой улыбкой.

Я быстро осматриваю присутствующих и не желаю признаваться даже себе в том, что разочарована, не увидев нигде Калеба.

С левой стороны стоит около двадцати человек разных возрастов. Справа же всего четверо: девушка примерно моего возраста в сопровождении мужчины и женщины, которые, как я полагаю, являются ее родителями, и еще одна пожилая дама.

– Если все собирались, можем приступать? – спрашивает священник, глядя на мистера Воана в ожидании подтверждения, что кажется мне странным. Почему он не обратился к семье покойного?

Мистер Воан кивает, и священник начинает короткую церемонию. На мгновение мне кажется, что он собирается открыть гроб, но когда этого не происходит, я лишь облегченно выдыхаю.

Я не знала отца при жизни и не уверена, что хочу увидеть его после смерти. Не хочу запомнить его таким.

Закончив небольшую надгробную речь, священник предлагает членам семьи подойти и сказать несколько слов о покойном.

Вики первой поднимается на небольшую трибуну, стоящую прямо за гробом, и кратко описывает свою жизнь с Лео Пирсом. Следующим идет Август, за ним Грейс, и все они подробно рассказывают, каким он был любящим отцом и необыкновенным человеком.

– Который бросил своего ребенка, – бормочу я себе под нос, и мистер Воан тут же бросает на меня укоризненный взгляд.

– Сегодня здесь присутствует еще один важный человек, – внезапно произносит Грейс, прежде чем закончить речь. Она смотрит прямо на меня, и у нее на губах появляется ухмылка. – У моего отца была дочь, о которой он никогда никому не рассказывал, но решил

упомануть в завещании. Дарси, почему бы тебе не сказать пару слов о человеке, который отныне будет финансировать твою жизнь?

От этого прямого обращения мои глаза расширяются, а тело обдает волной жара.

Внезапно все глядят на меня, мое имя звучит у всех на устах, шепот разносится по тихому кладбищу.

Вики прожигает Грейс суровым взглядом, в то время как мистер Воан приближается к ней, чтобы, несомненно, сделать выговор за то, что привлекла ко мне всеобщее внимание. К ним присоединяется еще один человек – мужчина, который еще недавно стоял слева. Он старше мистера Воана, и у него благородное лицо с правильными чертами. Когда он обращается к Вики и мистеру Воану, оба немедленно замолкают, и я понимаю, что этот человек обладает здесь определенным влиянием.

Я надеюсь, что кто-нибудь скажет, что мне необязательно выступать. Но из-за спора Пирсов между собой и напряженных взглядов, которыми одаривают меня остальные присутствующие, священник вынужден пригласить меня на возвышение.

Я вовсе не боюсь публичных выступлений. Ради всего святого, я же преподавательница и за свою жизнь прочитала немало лекций. Но что я должна сказать о человеке, которого никогда не встречала? О существовании которого даже не подозревала, пока несколько дней назад не получила письмо о его кончине? О мужчине, который был мне всего лишь биологическим отцом?

Ноги сами собой несут меня к трибуне, и я чувствую, как присутствующие провожают меня глазами, в которых отражаются любопытство и подозрительность. Только Вики и мистер Воан смотрят на меня со злобой.

Взявшись за деревянные края трибуны, я делаю глубокий вдох и произношу пару банальностей – ровно столько, чтобы дать публике желаемое.

– Как уже сказали Вики и Август, Лео Пирс был замечательным человеком. – Ложь обжигает язык, но я выдавливаю улыбку.

Прости меня, Господь. Я стою рядом с твоим Домом и извергаю ложь.

Прочистив горло, глубоко вдыхаю и продолжаю:

– Настолько замечательным, что бросил меня в сиротском приюте.

Мои глаза расширяются, и я зажимаю ладонью рот. Отовсюду раздаются удивленные возгласы, а люди слева смотрят на меня так, словно я убила их кошку.

И все же по какой-то причине я не могу остановить слова, которые льются из меня потоком.

– На самом деле я никогда не встречала этого человека. Что хорошего мне о нем говорить? Знаю, нельзя плохо отзываться о покойном и все такое, но как я могу петь ему дифирамбы, если он ни разу не навестил меня? Даже не попытался связаться со мной. – Из меня вырывается сухой смешок.

– Хватит, Дарси, – шипит мистер Воан сквозь стиснутые зубы.

– Извините за смех. – Я пожимаю плечами, но продолжаю хихикать.

Что, черт возьми, со мной творится?

– Но ведь правда, если он был таким хорошим семьянином и самым лучшим отцом для вас, то почему не был отцом и для меня? – спрашиваю я, многозначительно глядя на Пирсов.

В какой-то момент я, видимо, слишком сильно наклоняюсь вперед. Трибуна качается, и, как я ни пытаюсь выровнять ее, лишь толкаю вперед, пока она во что-то не упирается.

Когда это я успела так сильно наклониться?

Возможно, моя речь вышла слишком уж пылкой. Я понимаю, что вот-вот случится что-то плохое, скрип уже предвещает беду, но именно удар дерева о дерево служит предзнаменованием.

Не успела правда об отце сорваться с моих губ, как я уже падаю прямо вместе с трибуной.

И падение это не из приятных. Особенно учитывая, что трибуна возвышалась прямо над закрытым гробом.

С моих губ не слетает ни звука – хотя, могу поклясться, я истошно кричала от ужаса, – когда трибуна кренится и падает прямо на крышку гроба, оставляя вмятину на дорогом дереве прямо по центру.

О боже милостивый, пожалуйста, спаси меня от позора!

Я тихо вскрикиваю и крепко хватаюсь за трибуну. Чувствую сильный удар, но боли нет, а на мне ни царапинки.

Зажмуриваюсь, сгорая от стыда, когда вздохи, которые я слышала во время своей речи, превращаются в вопли, вероятно адресованные мне.

Я открываю один глаз и украдкой оглядываюсь по сторонам. Все именно так, как я себе и представляла.

Настоящий хаос.

Но люди смотрят не на меня, а куда-то вправо. На...

Я медленно поворачиваюсь и просто застываю на месте, понимая, что трибуна не просто оставила вмятину на гробе. Она сломала петли крышки, которая отлетела в сторону, открывая мертвое тело внутри.

Я потрясенно моргаю.

Тело, которое... не выглядит таким уж мертвым.

Он что, жив?

Я смотрю на отца, он смотрит на меня в ответ. Едва ли мертвецы могут открывать глаза, и вряд ли служащий похоронного бюро не закрыл бы их.

Он пристально смотрит на меня, а его ноздри раздуваются.

Да ладно, трупы не дышат!

– Ты не мертв, – шепчу я и слегка покачиваюсь, хотя мне кажется, что я приклеилась к плоской деревянной поверхности.

Он не отвечает. Вместо этого громко кричит:

– Мордехай!

Мертвые люди определенно не разговаривают. И не кричат.

– Ты не мертв, – повторяю я, словно заезженная пластинка.

Мистер Воан в мгновение ока оказывается у гроба и не слишком осторожно оттаскивает меня. Если падение не оставило на коже синяков, то его крепкая хватка точно оставит.

– Мистер Пирс! – восклицает он, и в его голосе слышится удивление. Вот только в глазах нет того же удивления. Словно... он обо всем знал?

– Чудо! Говорю вам, это настоящее чудо! – восклицает он. В то же мгновение Вики подбегает к гробу, заливаясь слезами, и обнимает своего мужа.

Я отступаю в сторону, как и все остальные, и просто глазею на разворачивающееся шоу.

Почему у меня такое чувство, что я единственная не понимаю шутки?

Неужели все это один изощренный розыгрыш?

Я точно спятила.

Либо так, либо *они* пытаются свести меня с ума.

Во всяком случае, теперь, когда мистер Пирс явно жив и здоров и откровенно испепеляет меня взглядом, я наконец-то могу распрощаться с Фейридейлом и забыть об этой кошмарной поездке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.